Леон Гросфельд

ГОСУДАРСТВО ДОСЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЛЬШИ НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИЙ

Леон ГРОСФЕЛЬД

ГОСУДАРСТВО ДОСЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЛЬШИ НА СЛУЖБЕ МОНОПОЛИЙ

Перевод с польского
П. И. ЗЯБЛОВА

Предисловие
В. Т. ФОМИНА

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1953

Ł. GROSFELD

PAŃSTWO PRZEDWRZEŚNIOWE W SŁUŻBIE MONOPOLI KAPITALISTYCZNYCH

WARSZAWA

1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху империализма и особенно в период общего кризиса капитализма буржуазное государство превращается в послушное орудие небольшой клики заправил капиталистических монополий, которое используется ими для усиления эксплуатации трудящихся с целью получения максимальной прибыли, для наступления на жизненный уровень и демократические права рабочего класса и крестьянства, для подавления национально-освободительных движений в колониях, для борьбы за рынки сбыта, за источники сырья, за передел мира.

В условиях общего кризиса капитализма капиталистические монополии стремятся к усилению подчиненного им государственного аппарата. Они увеличивают количество чиновников и полицейских, создают новые тюрьмы, раздувают численность вооруженных сил.

В. И. Ленин указывал: «...всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было,— оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство» [1].

Правосоциалистические лакеи империализма, ставшие ныне агентами американских монополий, стремятся в целях одурманивания масс замаскировать классовую природу буржуазного государства, являющегося комитетом по заведованию делами буржуазии, по охране и усилению гнета монополий. Путем беспардонной лжи и фальсификации лакеи империализма стремятся изобразить буржуазное государство как орган, стоящий над классами, над капиталистическими монополиями.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 448.

Долг советских ученых и ученых стран народной демократии состоит в том, чтобы беспощадно разоблачать эти лживые утверждения прислужников американского империализма.

* * *

Предлагаемая вниманию советского читателя брошюра польского экономиста и историка Леона Гросфельда посвящена рассмотрению классовой природы польского буржуазно-помещичьего государства (1918—1939 гг.). В брошюре показывается засилие польского и иностранного монополистического капитала в буржуазной Польше, решающая роль монополий во внутренней и внешней политике польских реакционных правительств.

«Свыше двадцати лет — между первой и второй мировыми войнами, — пишет Б. Берут, — существовало польское буржуазное государство, которым управляли капиталисты и помещики. Это государство возникло благодаря тому, что Великая Октябрьская социалистическая революция разбила царскую систему угнетения. Возникнув благодаря победе русского народа, оно сразу же стало плацдармом враждебных империалистических сил, выступавших против этого народа. Это был горький период разочарований, нищеты и бедствий польских трудящихся, период грубого и жесткого угнетения украинского и белорусского населения, которое попало под власть польского буржуазно-помещичьего государства. Это государство было оплотом грабежа, осуществлявшегося империалистическими картелями и трестами. Оно не умножало силы народа. В течение двадцати лет не улучшались, а ухудшались условия жизни трудящихся, на плечи которых все более чувствительно ложилась тяжесть прогнившего реакционного режима. Наконец, пришла катастрофа новой войны, пришло гитлеровское нашествие, которому польские буржуазно-помещичьи правительства всей своей политикой прокладывали путь»[1].

Гросфельд на основе фактов и документов, многие из которых публикуются впервые, рисует яркую картину хозяйничания капиталистических монополий в довоенной Польше. Он показывает, как польские капиталисты и помещики, боясь революционного движения трудящихся масс и лелея планы агрессии против СССР, продались иностранным — американским, французским, английским, германским империалистам и помогали им грабить польский народ.

Этот грабеж осуществляли крупные монополистические объединения — картели и тресты. Польские и иностранные монополии являлись фактическими хозяевами страны. В буржуазной Польше происходил очень быстрый рост числа картелей и других монополистических объединений. Если в 1919 г. в Польше было 9 картелей, то в 1936 г. их было уже 274.

Особенно благоприятные условия для господства финансовой олигархии, для роста капиталистических монополий были созданы после фашистского переворота Пилсудского, осуществленного в 1926 г. с помощью английских и американских империалистов. Сразу же после переворота Пилсудский получил указания от крупнейших капиталистических магнатов и помещиков о направлении дальнейшей политики польского буржуазно-помещичьего государства, об усилении реакции внутри страны и ускорении подготовки войны против СССР совместно с другими империалистическими державами.

Автор приводит многочисленные факты, показывающие подчинение польского буржуазного государственного аппарата монополиям.

В книге показывается, как государственные чиновники, министры, генералы становились членами наблюдательных советов и правлений крупных капиталистических предприятий, банков, картелей и как, в свою очередь, крупнейшие капиталисты занимали важнейшие государственные посты. Большой интерес представляют приводимые Гросфельдом данные о тесной связи представителей военщины с польскими и иностранными военно-промышленными фирмами. Представители военщины вместе с магнатами финансовой олигархии наживали на военных поставках многомиллионные барыши, но армия оставалась без вооружения. Автор показывает, что в польском сейме и сенате были представлены интересы крупных промышленников, банкиров и помещиков. «В Польше, — пишет автор, — как и во всех других капиталистических странах периода империализма, состав правительства и руководящих государственных органов, а также их политика определялись и контролировались финансовым капиталом, в котором, как известно, значительную роль играл иностранный капитал».

---

[1] Болеслав Берут, Партия рабочего класса — ведущая сила польского народа, „Правда“, 18 апреля 1952 г.

Еще В. И. Ленин отмечал, что американские агенты и спекулянты стремились скупить все богатства Польши. «Польша скупается агентами Америки» [1], — говорил он.

Л. Гросфельд приводит яркие факты, показывающие деятельность американских монополий в Польше.

В 1926 г. Аверелл Гарриман, крупнейший капиталистический магнат, являющийся ныне одним из непосредственных руководителей агрессивной политики американских империалистов, захватил польские цинковые предприятия и основал общество «Силезиен-америкэн корпорэйшн». Польское правительство, тесно связанное с этой фирмой, освободило Гарримана от уплаты имущественного налога, то есть фактически подарило ему 28 млн. злотых. Вскоре посредством всевозможных финансовых махинаций Гарриман стал владельцем значительной части горно-рудной и металлургической промышленности Верхней Силезии, «некоронованным королем угля, железа и цинка». Его концерн производил 50% железа в Польше, а на его предприятиях работало 45 тыс. рабочих.

Другая американская фирма, «Диллон, Рид и К°», получила исключительное право на предоставление займов Польше и на размещение облигаций этих займов на американском рынке. После предоставления в 1927 г. одного из таких кабальных американских займов Польше в Варшаву приехал специальный американский финансовый советник, который играл решающую роль в определении финансовой и кредитной политики польского правительства.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 135.

Американский посол в Варшаве Стетсон нагло вмешивался во внутренние дела Польши и требовал от правительства жестокой расправы с бастующими на предприятиях Гарримана рабочими.

Известно, что в период оккупации Польши гитлеровцами, согласно специальной сделке американских и немецких империалистов, предприятия Гарримана были подчинены немецкому капиталу, а Гарриман продолжал получать огромные доходы. Во время проведения в Польше национализации основных отраслей промышленности американское правительство выступило с резким протестом против этой меры, подрывавшей господство американского капитала в Польше.

Как отмечает автор, центры, распоряжавшиеся польской промышленностью, часто находились в других странах.

По приказу из Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Лондона в Польше закрывались фабрики и заводы, рабочие выбрасывались за ворота предприятий, сокращалось производство, подавлялись стачки и забастовки рабочих. За счет хищнического ограбления страны, жестокой эксплуатации рабочих и трудящихся крестьян в карманы польских и иностранных империалистов текли многомиллионные прибыли.

Гросфельд приводит многочисленные факты, показывающие использование монополиями государственного аппарата для усиления эксплуатации трудящихся. «Политика в области труда и заработной платы, политика цен, налоговая и кредитная политика, — указывает автор, — имели целью обеспечить как можно большую прибыль польским монополиям и иностранным держательским компаниям за счет жизненного уровня рабочих и трудящихся крестьян, за счет интересов развития хозяйства страны».

Интересами иностранных монополий и связанной с ними польской правящей клики, их ненавистью к социализму, их боязнью революционного движения определялся антисоветский курс внешней политики довоенной Польши.

«Было время,— говорит И. В. Сталин,— когда во взаимоотношениях между Польшей и СССР преобладали элементы конфликтов и противоречий. Это обстоятельство давало возможность государственным деятелям вроде г. Черчилля играть на этих противоречиях, подбирать к рукам Польшу под видом защиты от русских, запугивать Россию призраком войны между нею и Польшей и сохранять за собою позицию арбитра. Но это время ушло в прошлое, ибо вражда между Польшей и Россией уступила место дружбе между ними, а Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев»[1].

Автор показывает, что рабочий класс Польши и трудящееся крестьянство оказывали упорное сопротивление наступлению капиталистических монополий. Период двадцатилетней истории буржуазно-помещичьей Польши наполнен героическими боями польского рабочего класса и трудящегося крестьянства против гнета капиталистических монополий и буржуазно-помещичьего государства. Во главе этой борьбы трудящихся масс Польши стояла коммунистическая партия.

* * *

В работе Гросфельда имеются некоторые недочеты. Например, явно недостаточно показана политика лакеев империализма — правых лидеров ППС, которые в целях одурманивания трудящихся распространяли лживые теории «о надклассовом характере польского государства» и т. д. Этим путем правые лидеры ППС стремились обмануть польский рабочий класс, отравить его ядом шовинизма и национализма и свести с позиций классовой борьбы.

Недостаточно освещена в работе и колонизаторская политика польского буржуазного государства в отношении Западной Украины и Западной Белоруссии. Известно, что эти территории были превращены во внутренние колонии польского империализма, а народы, населяющие их, подвергались особенно тяжелому социальному и национальному гнету. Польское правительство осуществляло целую систему мероприятий с целью задержать экономическое и политическое развитие этих территорий, превратить их в источник дешевого сырья. Польская правящая клика защищала владения земельных магнатов и интересы польских и иностранных монополий на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии посредством так называемой «пацификации», уничтожая с помощью войск целые деревни и волости с проживающим в них украинским и белорусским населением.

---

[1] И. В. Сталин, Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г., Госполитиздат, 1946 г., стр. 9.

Следует отметить также, что автор во многих местах книги использует выражение «сращивание монополий с государственным аппаратом». Как указывает товарищ Сталин: «Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение монополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополиям»[1].

* * *

Освобождение Польши Советской Армией навсегда избавило польский народ от гнета находящегося на службе монополий антинародного буржуазного государства. За короткий срок трудящиеся массы Польши, руководимые Польской объединенной рабочей партией, произвели глубокие революционные преобразования в стране. В результате проведения аграрной реформы был ликвидирован класс помещиков — носитель феодального гнета и реакции, и сбылась извечная мечта крестьян о земле. Национализация основных отраслей народного хозяйства ликвидировала господство капиталистов и засилие иностранного капитала. В Польше была создана народная республика, во главе которой стоит рабочий класс, находящийся в тесном союзе с трудящимся крестьянством.

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 43.

Освобожденный польский народ достиг огромных успехов на пути экономического подъема страны, на пути превращения ее из отсталой в передовую. «В течение восьми лет Польша из экономически слабой и безжалостно эксплуатируемой иностранными капиталистами страны превратилась в страну бурной индустриализации и быстро растущей экономической мощи. Национализированная промышленность Польши дает сегодня продукции в три раза больше, чем до войны. На базе экономических и технических преобразований в стране происходит глубокая культурная революция. Польский народ быстрыми темпами превращается в новую, социалистическую нацию»[1].

К концу 1952 г., третьего года осуществления шестилетнего плана строительства основ социализма в Польше, число рабочих, занятых вне сельского хозяйства, составит 5 340 тыс. человек, т. е. почти в два раза больше, чем было накануне войны в буржуазно-помещичьей Польше.

В ходе индустриализации в Польше созданы новые важнейшие отрасли промышленности: автомобильная, тракторная, судостроительная, тяжелое машиностроение и т. д.

Из года в год растет удельный вес продукции социалистической промышленности в национальном доходе. Если в 1946 г. он составлял 45,5%, то к концу 1952 г. составит 73,2%.

Капиталистические элементы почти целиком вытеснены из польской промышленности, такой же процесс происходит и в торговле.

Народная Польша, освобожденная от оков иностранных и польских монополий, развивается при братской помощи Советского Союза такими темпами, что к концу осуществления шестилетнего плана по некоторым отраслям промышленного производства она выйдет на одно из первых мест в мире. Так, например, производство каменного угля в Польше в 1955 г. достигнет 100 млн. т в год, или 3,7 *т* на душу населения, в то время как в США в 1949 г. добыча каменного угля составляла 2,9 *т* на душу населения.

---

[1] Выступление Болеслава Берута на XIX съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), «Правда», 8 октября 1952 г.

Один только новый металлургический комбинат «Новая Гута» будет выпускать стали немногим меньше, чем вся польская промышленность до войны.

Успехи народного хозяйства Польши служат интересам народа. «В странах народной демократии, — говорит Болеслав Берут, — которые строят социалистический общественный строй, основным законом народного хозяйства и основной задачей политики народной власти является максимальное обеспечение растущих материальных и культурных нужд трудящихся масс»[1].

Как отметил VII пленум ЦК ПОРП, дальнейшее движение Польской народной республики по пути к социализму требует укрепления смычки рабочего класса с крестьянством, города с деревней, что является главной политической задачей на ближайшее время.

Великие успехи, достигнутые польским народом на пути создания новой, народно-демократической Польши, на пути строительства социализма, ныне закреплены в основном законе — Конституции Польской народной республики.

Эти успехи являются результатом коренного поворота в отношениях между Польшей и Советским Союзом, закрепленного договором о дружбе и взаимопомощи.

Опираясь на братскую помощь и поддержку СССР, польский народ срывает козни американо-английских империалистов и успешно строит основы социализма.

«Великая страна социализма, — говорит Болеслав Берут, — дает миру образец новых международных отношений, основанных на дружбе, братской помощи и взаимном мирном сотрудничестве. Разве могли бы мы так быстро и так успешно восстановить свою страну, с таким успехом осуществлять наши планы индустриализации Польши, так уверенно и победоносно идти сегодня по пути социалистического строительства, так успешно укреплять мощь нашего родного государства — залог нашей обороноспособности и национальной независимости, если бы мы не имели такой мощной опоры, как союз с Советским Союзом, если бы мы не чувствовали на каждом шагу его братскую помощь и дружбу?»[1]

---

[1] См. доклад Болеслава Берута „О проекте конституции Польской народной республики“, „Правда“, 20 июля 1952 г.

Строя новое социалистическое государство, трудящиеся массы Польши опираются на великий исторический опыт победоносного социалистического строительства в Советском Союзе.

В. Фомин.

---

[1] „Правда", 24 июня 1952 г.

ВВЕДЕНИЕ

Капиталистическое государство всегда является органом власти и орудием господства класса капиталистов над другими классами общества.

«Так как государство, — пишет Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», — возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»[1].

В период империализма, особенно в условиях общего кризиса капитализма, всесилие монополий и финансовой олигархии достигает своего зенита и находит наиболее яркое выражение в государственно-монополистическом капитализме. Буржуазное государство становится все более зависимым от капиталистических монополий; государственный аппарат все более сращивается с монополистическими объединениями.

Вопреки тем лжетеориям, которые правосоциалистические лакеи буржуазии сознательно использовали и используют для приукрашивания капитализма, государственно-монополистический капитализм отнюдь не означает усиления роли государства, его влияния на капиталистические монополии: наоборот, он означает огромный рост влияния капиталистических монополий на государство и его политику.

---

[1] **К. Маркс и Ф. Энгельс**, Избранные произведения, т. II, 1949, стр. 303—304

В предисловии к своему гениальному труду «Государство и революция» Ленин писал:

«Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее»[1].

Сращивание монополий с государственным аппаратом находит наиболее полное выражение в условиях фашистского режима. Так было в гитлеровской Германии, аналогичное явление наблюдается ныне в США, где происходит быстрая фашизация. В помещичье-буржуазной Польше также наблюдался значительный рост государственно-монополистического капитализма, приобретавшего со временем все большее и большее значение.

Государственный аппарат, будучи орудием власти и господства эксплуататорских классов над эксплуатируемыми классами, в первую очередь действовал в интересах капиталистических монополий и крупных помещиков. Апологеты буржуазии — фашистские теоретики, проповедующие мнимую классовую солидарность, поборники государственного капитализма, мелкобуржуазные идеологи, толкующие о надклассовом характере государства, пропагандисты, выступающие с церковных амвонов, по радио, в школе, в печати,— делали все возможное, чтобы затушевать классовый характер государства и представить дело так, будто государство заботится о благе всех слоев нации. Они спекулировали на том, что польский народ в течение почти 150 лет был лишен государственной независимости и благодаря этому можно было изобразить польское буржуазное государство «национальным» государством.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 355.

По существу, однако, польское буржуазно-помещичье государство было не только «наследником и продолжателем политики царизма и кайзеровских оккупантов»[1], оно еще более усовершенствовало методы и формы обслуживания верхушки финансового капитала, методы и формы эксплуатации, угнетения и обмана трудящихся масс. Этого требовали интересы буржуазии и помещиков, поскольку в период междувоенного двадцатилетия[2], период общего кризиса капитализма и углубления всех противоречий капитализма, эти противоречия проявлялись в Польше с еще большей остротой, чем в других странах, и Польша была одним из самых слабых звеньев капиталистической системы.

Крайняя реакционность политики польской буржуазии как в период домайского (1926 г.— *Ред.*) переворота Пилсудского, так и после этого переворота обусловливалась огромным влиянием иностранного капитала и помещиков, колониальным гнетом, насаждаемым на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, самим характером польской буржуазии, «трусливой, прогнившей до мозга костей, находящейся в постоянном страхе перед революцией, пресмыкающейся перед западными империалистическими державами, лишенной гордости и чести, не верящей в свое будущее».

«После нас хоть потоп» — таков был лозунг польского и иностранного финансового капитала, нисколько не считавшегося с интересами и нуждами страны, не заботившегося о развитии ее производительных сил, ставившего своей задачей лишь нещадную эксплуатацию трудящихся масс и рассматривавшего государство как орган, призванный облегчить ему выполнение этой задачи.

---

[1] E. Ochab, Przemówienie wygłoszone na uroczystości odsłonięcia pomnika ku czci Hibnera, Kniewskiego i Rutkowskiego, „Trybuna Ludu", 21 sierpnia 1950 r.

[2] 1918—1939 гг. — *Прим. ред.*

I

РОЛЬ МОНОПОЛИЙ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ

Важной предпосылкой государственно-монополистического капитализма является господство монополий в экономике данной страны.

Государственно-монополистический капитализм возникает при определенном уровне концентрации и монополизации производства.

Как известно[1], в Польше, еще до получения ею независимости, концентрация и централизация производства и капитала достигли относительно высокого уровня. Следствием этого была высокая степень монополизации (концерны, картели, синдикаты) и господство финансовой олигархии, возникшей в результате сращивания банковского и промышленного капитала, дополняемого сращиванием крупного капитала с крупным помещичьим землевладением. Эта финансовая олигархия находилась в постоянной зависимости от иностранного капитала.

Процесс концентрации капитала и монополизации в Польше значительно усилился после восстановления государственной независимости, особенно после майского переворота[2] и в период экономического кризиса, разразившегося в 1929 г.

В основных отраслях производства решающую роль играли несколько крупнейших предприятий, объединенных в картели и синдикаты.

---

[1] L. Grosfeld, Z dziejów kapitalizmu w Polsce, „Książka i Wiedza", 1950.

[2] Майский переворот — фашистский переворот Пилсудского в середине мая 1926 г. — *Прим. ред.*

Так, например, в угольной промышленности и металлургии имелись 23 крупные акционерные компании, каждая с капиталом свыше 5 млн. злотых. Свыше половины совокупного акционерного капитала этих компаний приходилось на три компании: Катовицкое горно-металлургическое акционерное общество, «Верхнесилезские объединенные металлургические заводы Гуты Крулевска и Лаура» и компания «Гута Покуй».

В 1929 г. Катовицкое горно-металлургическое акционерное общество, которое до того объединилось с предприятиями «Бисмарк» и «Силезия», слилось с акционерным обществом «Верхнесилезские объединенные металлургические заводы Гуты Крулевска и Лаура». Таким образом возник крупный угольно-металлургический концерн «Вспульнота интересув», находившийся под контролем американо-немецкой держательской компании «Консолидэйтид стил корпорейшн». Компания «Вспульнота интересув» имела около 260 млн. злотых собственного капитала и около 54 млн. злотых заемного капитала. Она давала 30% всей польской продукции кокса, 37 — чугуна, 44 — стали, 40 — проката, 55,5% — металлических изделий. На предприятиях компании было занято 45 тыс. рабочих и служащих[1].

Одновременно в результате многочисленных финансовых махинаций (обмен контрольных пакетов акций, различные финансовые сделки) возник гигантский металлургический концерн «Гута Покуй», контролирующий шахты Баллестрема, акционерную компанию «Феррум», литейные заводы в Сухеднюве и Кельцах, акционерные компании «Зеленевский», «Фитцнер и Гампер», «Польские заводы Бабкок — Зеленевский» и «Паровозостроительный завод». На предприятиях этого объединения было занято около 60 тыс. рабочих.

Эти два мощных концерна контролировали 42% всего производства кокса, 70 — добычи железной руды, 66 — производства стали, 71 — производства проката, 74% производства металлоизделий.

По официальным, значительно преуменьшенным данным прибыли концерна «Вспульнота интересув» составили в 1937 г. 4 655 550 злотых.

---

[1] Данные за 1936 г.

В текстильной промышленности решающую роль играли лодзинские компании, относящиеся к числу крупнейших в Европе, как, например, Видзевская мануфактура, имеющая 250 тыс. веретен[1] (15% общего количества веретен в Польше), «Шайблер и Громан» (12%), «К. Познанский» (10%). О высокой концентрации производства в Польше свидетельствует, в частности, такой факт: если в Германии на одну фабрику в хлопчатобумажной промышленности приходилось в среднем 26 тыс. веретен, то в Польше — 38 123 веретена. 3,9% общего числа текстильных фабрик сосредоточивали 57,1% всех рабочих, занятых в текстильной промышленности, а 42,8% общего числа фабрик охватывало лишь 3,5% рабочих текстильной промышленности[2].

В цементной промышленности также господствовали два концерна (первый из них объединял акционерные компании «Фирлей», «Сольвей», «Рудники», «Вейхерово», «Бонарка», второй — акционерные компании «Высока», «Волынь», «Голешув» и «Щакова»).

Апологет польского монополистического капитала Ипполит Гливиц утверждал, что «не было почти ни одной отрасли, в которой не происходил бы процесс концентрации и создания синдикатов, картелей, конвенций и подобных объединений»[3]. Как капиталисты, так и правительство, говорит далее Гливиц, считали «процесс консолидации, происходящий в тяжелой промышленности Польши[4], особенно благоприятным явлением, находящимся в резком контрасте с общим мрачным фоном польской хозяйственной жизни».

В банковском деле концентрация также была высокой.

В 1928 г. четыре крупнейших частных банка, а именно: «Банк звёнзку спулэк заробковых» (Кооперативный банк), «Банк хандлёвы в Варшаве» (Торговый банк в Варшаве), «Банк дысконтовы» (Варшавский учетный банк), «Повшехны банк звёнзковы» (Банк союзов предпринимателей) (8% от общего числа акционерных банков) сосредоточивали в своих руках 42,9% общей суммы вкладов, 38,7% кредитов и 38,5% иностранных депозитов. Следует учесть, что эти банки имели теснейшие связи с промышленностью, что это были банки периода господства финансового капитала.

---

[1] Данные за 1936 г.

[2] В 1928 г.

[3] H. Gliwic, Nieco optymizmu, Warszawa, 1930, str. 33.

[4] Там же, стр. 84.

Так, например, Торговый банк в Варшаве уже в 1923 г. путем грюндерства, финансирования и участия в паях был связан с 28 промышленными (в горной, металлургической, металлообрабатывающей, сахарной, нефтяной и других отраслях промышленности), транспортными и торговыми компаниями. В их числе находились такие крупные компании, как «Островецкое металлургическое акционерное общество», «Моджеювские предприятия», «Стараховицкие предприятия», машиностроительный завод «Фитцнер и Гампер», Гданьский судостроительный завод, Паровозостроительный завод, акционерная компания «Явожно» и другие.

Польский промышленный банк был связан с 48 компаниями нефтяной, металлургической, цементной, сахарной, текстильной, деревообрабатывающей, химической, бумажной и др. отраслей промышленности. В их числе — мощные цементные компании: «Щакова», «Высока», «Волынь», крупные сахарные предприятия («Ходорув»), машиностроительные компании «Паровоз», «Поциск», «Зеленевский и К°» и т. д.

На основе сращивания банковского капитала с промышленным, дополняемого в Польше сращиванием крупного капитала с помещичьим землевладением, представители которого заседали в наблюдательных советах банков и промышленных компаний, сложилась группа экономических диктаторов, финансовая олигархия. В ее состав входили как польские, так и иностранные (немецкие, французские, американские, английские, бельгийские и т. д.) капиталисты и их представители.

Так, например, один из представителей Центрального союза промышленности, торговли и финансов, так называемого «Левиафана», Альфред Фальтер являлся председателем Объединения верхнесилезских каменно-угольных шахт, членом наблюдательных советов или правлений акционерных компаний «Годулля», «Вирек», «Рыбницкого товарищества», Рудзского каменноугольного товарищества, металлургической компании «Гута Покуй», акционерной компании «Феррум», акционерной компании

«Фитцнер и Гампер», Томашувской фабрики искусственного шелка, Объединения коксовых заводов и четырех других компаний. Вместе с тем он являлся членом наблюдательного совета Польского банка и вице-председателем Торгового банка в Варшаве. Таким образом, Фальтер участвовал в компаниях с акционерным капиталом в размере около 350 млн. злотых. На предприятиях этих компаний, дававших почти 6 млн. *т* угля и около 30% всей продукции металлургической промышленности, владевших десятками тысяч гектаров земли, работало почти 30 тыс. рабочих. Фальтер, представлявший интересы немецкого и польского монополистического капитала, был в то же время членом исполнительного комитета Международной торговой палаты, председателем Польско-английской и Польско-скандинавской торговых палат, а также экспертом польского правительства при Лиге наций.

Другой председатель «Левиафана», Юзеф Жихлинский, был председателем Банка сахарной промышленности, вице-председателем Торгового банка в Варшаве, членом наблюдательных советов: Польского банка и 4 других банков, Катовицкого горно-металлургического акционерного общества, акционерных компаний «Верхнесилезские объединенные металлургические заводы Гуты Крулевска и Лаура», «Силезские цинковые рудники» и кроме того 6 предприятий пищевой промышленности. В общей сложности Жихлинский представлял интересы 16 капиталистических фирм—банков, а также промышленных компаний в сахарной (все производство сахара в стране), горной и металлургической промышленности (около 40—50% всей продукции страны) с капиталом в размере около 450 млн. злотых. На предприятиях этих компаний было занято около 60 тыс. рабочих.

Входивший в состав президиума «Левиафана» Петр Джевецкий был членом 21 наблюдательного совета различных компаний, в том числе 3 банков; Юзеф Пшедпелский — председателем Союза польской горно-металлургической промышленности, вице-председателем Союза цементных заводов и т. д.

Гласковы, Кшиштоновы, Левальские, Шайблеры, Гливицы, Веллиши наряду с Фликами, Фрэрами, Доннерсмарками, Пилерами, Лекаями, Гарриманами и Росси —

эти имена, свидетельствующие о космополитическом характере капитала, правившего Польшей, часто встречались в списках членов наблюдательных советов банков и промышленных компаний. Именно в этих наблюдательных советах переплетались интересы польского и иностранного капитала, хотя в действительности центры, распоряжавшиеся польской промышленностью, чаще всего находились в Берлине, Париже, Нью-Йорке, Лондоне.

Специфическая особенность финансового капитала в Польше состояла, в частности, в том, что наблюдательные советы зачастую украшались «старыми», «историческими» фамилиями высшей аристократии, связанной с монополистическим капиталом.

Так, например, князь Станислав Любомирский был председателем и членом 13 наблюдательных советов, в том числе 2 банков, 3 огромных горно-металлургических компаний, 4 крупных машиностроительных и цементных компаний, страховых и других компаний, совокупный капитал которых составлял более 200 млн. злотых, 60 млн. лир и 50 млн. французских франков.

Семь других князей Любомирских входили в состав 15 различных наблюдательных советов.

Граф Альфред Потоцкий был членом 11 наблюдательных советов, а 12 других графов Потоцких участвовали в 26 наблюдательных советах.

Личная уния банков, промышленности и крупного помещичьего землевладения под эгидой иностранного капитала отражала сильно развившуюся концентрацию и централизацию капитала и содействовала дальнейшей его монополизации, то есть созданию во многих отраслях промышленности полной монополии крупнейших компаний и росту участия в международных картелях.

Динамику развития картелей в Польше отражает приведенная ниже таблица (см. стр. 22).

Из этой таблицы видно, что процесс развития картелей особенно усилился после майского переворота 1926 г., а особенно в ходе и в результате экономического кризиса, то есть после 1929 г., когда встал вопрос о переложении бремени кризиса на плечи широких масс трудящихся.

Число картелей в Польше *

Год	Число национальных картелей	Число международных картелей, в которых участвовала Польша
1919	9	3
1920	11	4
1921	13	4
1922	15	4
1923	23	6
1924	31	6
1925	40	6
1926	53	8
1927	64	14
1928	77	23
1929	100	40
1930	133	48
1931	168	69
1932	187	75
1933	215	89
1934	233	94
1935	268	104
1936	274	105

---

* Данные приведены по статистическому ежегоднику „Mafy Rocznik Statystyczny", 1937, где содержатся более свежие данные, чем в сборнике „Statystyka Karteli w Polsce", 1935.

К ведущим картелям относились: Всепольская угольная конвенция, контролировавшая 98,07% добычи угля в Польше и охватывавшая предприятия с 127 тыс. рабочих (1920 г.); синдикат польских металлургических заводов, контролировавший всю продукцию металлургических предприятий страны; Банк сахарной промышленности, несомненно, являвшийся картелем и осуществлявший контроль над сбытом 90% сахара на внутреннем рынке и над всем вывозом сахара за границу; нефтяной синдикат; картель прядильных фабрик и др.

Отдельные предприятия и концерны входили одновременно в состав нескольких картелей. Так, например, компания «Верхнесилезские объединенные заводы Гуты Крулевска и Лаура» входила в состав 10 картелей, Катовицкое горно-металлургическое акционерное общество — в состав 12 картелей и т. д.

Таким образом, процесс монополизации в досентябрьской Польше[1] зашел так далеко, что в основных отраслях производства полностью утвердилось господство отдельных монополий, в значительной степени зависимых от иностранного капитала и тесно с ним связанных.

Даже официальное статистическое издание[2], касаясь роли монополий, должно было признать, что «влияние объединенного капитала огромно. Несомненно, во многих случаях влияние это проявляется под видом контроля, в ряде случаев оно означает полное руководство определенными участками хозяйственной жизни, за которым зачастую следует (следовало бы сказать: всегда! — *Л. Г.*) политический контроль».

О стремительном развитии картелирования в Польше, а также об исключительно благоприятных условиях для его развития свидетельствует доклад, подготовленный для Лиги наций известным немецким «специалистом» по вопросам картелирования проф. Тширским. В этом докладе говорится: «Необходимо со всей силой подчеркнуть, что нет ни одной страны, в которой картелирование после войны так развилось, как в Польше. Развитие картелирования, несомненно, показывает, что существующее законодательство нисколько не препятствует ни организации картелей, ни деятельности их правлений»[3].

---

[1] То есть до сентября 1939 г.

[2] Statystyka Karteli w Polsce, r. 1935.

[3] Decugis, Olds, Tschiersky, Etudes sur le régime juridique des ententes industrielles, Genéve, 1931.

II

СРАЩИВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА С МОНОПОЛИЯМИ

Основной чертой государственно-монополистического капитализма является все большее сращивание государственного аппарата с аппаратом капиталистических монополий, развитие личной унии между крупным капиталом и государством.

В октябре 1928 г. на заседании Совета «Левиафана», председатель этой организации видный капиталистический магнат Анджей Вежбицкий заявил:

«С нами ли правительство?

В настоящий момент в этом зале присутствуют 7 бывших министров промышленности и торговли, 3 бывших министра финансов; они делятся с нами опытом, приобретенным ими в тот момент, когда они руководили нами. Ранее они исследовали хозяйственную жизнь с государственной точки зрения, теперь они исследуют ее вместе с нами под углом зрения личной деятельности. Мы видим, что нет пропасти между этими двумя методами исследований — оба они приводят к тем же самым результатам, поэтому неправильно было бы говорить о нас и о правительстве «мы и они», ибо все мы вдохновляемся одними и теми же идеями» [1].

Проникновение государственных чиновников в так называемую «хозяйственную жизнь», то есть в наблюдательные советы, правления и дирекции крупных капиталистических предприятий — концернов, банков, картелей и других монополистических организаций, — и, наоборот, занятие капиталистическими магнатами постов в государственном аппарате было обычным явлением в межвоенный период; оно особенно усилилось в период правительств санации. Так, Чеслав Клярнер, неоднократно занимавший пост министра промышленности и торговли, а также пост министра финансов, был членом наблюдательных советов 12 крупных компаний, в том числе таких компаний, как «Западный банк», Стараховицкое горнорудное товарищество, «Товарищество механических предприятий — Лильпоп, Рау и Левенштейн», Гданьский судостроительный завод, Польские казенные рудники в Верхней Силезии, Электро-объединение Радомского округа, Варшавское страховое товарищество, Кредитное промышленное товарищество. Во многих наблюдательных советах Клярнер занимал пост председателя или заместителя председателя. Юзеф Кедронь, занимавший пост министра промышленности и торговли, являлся одновременно председателем правления крупной компании «Верхнесилезские объединенные заводы Гуты Крулевска и Лаура», в состав которого входили небезызвестные Гарриман, граф Потоцкий, князь Любомирский и немецкий магнат Флик. Кедронь являлся вместе с тем членом наблюдательных советов Стараховицкого горнорудного товарищества, Гданьского судостроительного завода, завода взрывчатых материалов, принадлежавшего немецкой фирме «Лигноза», и других.

---

[1] A. Wierzbicki, Zagadnienia etatyzmy i neoetatyzmy, Warszawa, 1929, str. 50.

О том, насколько доходными были функции г-на министра и как высоко ценил услуги Кедроня как иностранный, так и польский монополистический капитал, свидетельствует тот факт, что, когда после пятилетней «работы» он покинул пост председателя общества «Верхнесилезские объединенные заводы Гуты Крулевска и Лаура», ему было назначено 300 тыс. злотых единовременного вознаграждения и ежегодная пенсия в сумме 60 тыс. злотых.

Следует учесть, что это происходило на третьем году экономического кризиса, когда монополистический капитал оперировал лживыми фразами о нерентабельности предприятий, когда в стране было официально зарегистрировано 345 тыс. безработных, из которых лишь одна четвертая часть получала мизерные пособия (в действительности число безработных составляло около 1 млн., не считая деревни), когда средний годовой доход рабочего (вместе с безработными) составлял 986 злотых, а на одного человека в рабочей семье приходилось в год всего 384 злотых, то есть около 1 злотого в день[1].

Государственный сановник, видный деятель периода санации, председатель «Банка господарства крайовэго» (БГК) генерал Роман Гурецкий был одновременно председателем Стараховицкого горнорудного товарищества, фирмы «Азот», фирмы «Польская химическая промышленность», а также Общества по эксплуатации месторождений калийных солей.

Анджей Вежбицкий, один из столпов польской финансовой олигархии, председатель правления и главный директор «Левиафана», член наблюдательных советов и председатель 16 крупных польских и иностранных банковских и промышленных компаний, являлся вместе с тем министром промышленности и торговли, делегатом правительства на Парижской мирной конференции, а с 1926 г. председателем Консультативного комитета при экономическом комитете совета министров и влиятельным депутатом сейма.

Пост министра сельского хозяйства и земельной реформы занимали крупные помещики: графы Рачинские, Хлаповские, Незабитовские.

Указывая на буржуазный характер так называемого коалиционного эсеровско-меньшевистского правительства, Ленин приводит в работе «Государство и революция» историю с г. Пальчинским, который, будучи министром этого правительства, «...саботировал все меры обуздания капиталистов и их мародерства, их грабежа казны на военных поставках» и который после ухода из министерства был «награжден» капиталистами местечком с жалованьем в 120 000 рублей в год...»[2]

В заметке под названием «Банки и министры», опубликованной в газете «Правда» 14 апреля 1917 г., Ленин, сообщая, что бывший министр иностранных дел Покровский и бывший председатель совета министров граф

---

[1] Приведенные данные исчислены на основе работы: S. Derengowski, Próba szacunku dochodów robotniczych z pracy w przemyśle 1928—1932, Warszawa, 1932.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 365.

Коковцов вступили в члены совета Русского банка внешней торговли, задает вопрос:

«...а в скольких банках участвуют (директорами, пайщиками, фактическими хозяевами) нынешние министры Гучков, Терещенко, Коновалов?»

Ленин пишет:

«Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир — завтра министр... Так обстоит дело не только в России, но и всюду, где царствует капитал»[1].

В Польше имели место аналогичные формы сращивания государственного аппарата с капиталистическими монополиями. Проф. Г. Тенненбаум пишет об этом следующее:

«Время от времени представитель администрации (государственной. — *Л. Г.*) переходит в картель, из картеля обратно на государственную службу, а потом опять занимает высокий пост в картеле. Это имеет место, в частности, в угольной промышленности»[2].

Наиболее благоприятным поприщем для формирования «хозяйственного деятеля» и «государственного деятеля» в одном лице были государственные предприятия, особенно так называемые смешанные предприятия, в которых участвовал государственный и частный капитал, а также предприятия, находившиеся под секвестром, «санированные» предприятия и т. д.

Должности в наблюдательных советах и ревизионных комиссиях этих предприятий занимали — как представители правительства — государственные сановники, причем эти должности являлись для них дополнительным, в несколько раз превышающим их жалованье источником дохода.

Вместе с тем «...на основе приобретенной представителями государственной администрации склонности к участию в мероприятиях по оздоровлению промышленных и держательских компаний начинает вырабатываться определенное психологическое сближение (что еще важнее — сознание общей материальной заинтересованности и классовой общности. — *Л. Г.*) между представителями администрации и руководителями частных компаний.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 96.

[2] H. Tennenbaum, Struktura gospodarstwa polskiego, t. II, Warszawa, 1932, str. 580.

Начинает формироваться замкнутый контингент кандидатов на эти должности, кандидатов рекрутировавшихся как из среды государственной администрации, так и из числа лиц, близких ей, а также из людей, обслуживающих крупную промышленность. Возникает тенденция к созданию сплоченного, замкнутого круга, и лица, принадлежащие к одной группе, стараются так поступать, чтобы сохранить возможность перехода в другую группу»[1].

Известны случаи, когда представитель государственной администрации в «санированной» компании или компании, находившейся под государственным секвестром, обращался к частнокапиталистическим руководителям этой компании с запросом, не мог ли бы он после снятия секвестра остаться в органах управления компании, конечно, уже не в роли представителя правительства.

Само собой разумеется, что такой «страж общего блага», в сущности, был исполнителем воли и защитником интересов данной финансовой группы или держательской компании.

Даже проф. Г. Тенненбаум, ученый, которого никак нельзя было заподозрить в левых взглядах и который был тесно связан с определенными капиталистическими группами (из средней буржуазии), в уже цитированной выше работе писал:

«Время от времени стычки внутри этого складывающегося круга (то есть «хозяйственных деятелей» и «государственных деятелей») производят впечатление борьбы, проводимой для видимости».

Процесс сращивания государственного аппарата с капиталистическими монополиями происходил и в армии. Лица, занимавшие высокие должности в армии, просто покупались крупным капиталом. Многие генералы и высшие офицеры являлись председателями, вице-председателями и членами наблюдательных советов или правлений крупных компаний металлообрабатывающей или военной промышленности.

В брошюре, написанной в период оккупации, полковник А. Горак, перечисляя различные методы, какими «подрабатывали» генералы, указывает:

---

[1] H. Tennenbaum, Struktura gospodarstwa polskiego, t. II, Warszawa, 1932, str. 580.

«О спросе, предъявляемом на хорошо оплачиваемые должности в наблюдательных советах промышленных товариществ, убедительно свидетельствует случай с генералом Литвиновичем»[1].

Все это приводило к подчинению дела снабжения армии, ее вооружения интересам отдельных картелей и компаний, как польских, так и международных.

При решении вопросов, связанных со снабжением армий, решающую роль играли интересы той или иной капиталистической группы и связанных с нею сановников.

Сущность тех методов, которые применялись капиталистами для наживы на военных поставках, раскрывает изданная в 1948 г. в Лондоне книга под названием «Слово правды о польской авиации 1919—1939 гг.». Автором этой книги является бывший командующий польской авиацией в 1926—1938 гг. генерал Райский, который, пытаясь снять с себя ответственность за катастрофическое состояние польской авиации в 1939 г. и оправдаться от обвинений во взяточничестве и угодничестве перед гитлеровской Германией, приводит ряд фактов, компрометирующих других санационных сановников и разоблачающих грабительские методы финансового капитала и фашистского государства.

Так, например, авиационная фирма «Пляге-Ляскевич» получила заказ на поставку 300 боевых самолетов в год в течение трех лет. Однако по истечении трех лет оказалось, что фирма «...смогла произвести лишь 70 плохих самолетов... отсюда большое количество аварий с жертвами и популярная кличка «летающие гробы», присвоенная этим самолетам».

Несмотря на это, фирме были выплачены под видом «задатка» крупные суммы, почти равнявшиеся всей сумме стоимости заказа.

Когда же «...в результате подлинно хищнической финансовой политики фирма вынуждена была объявить о своей несостоятельности, командование авиацией сняло в аренду ее авиационный завод за непомерно высокую плату — 100 тыс. злотых в год»[2].

---

[1] A. Horak, Kraj pamięta, mówi, oskarża i ząda, Londyn, 1943, str. 18.

[2] Z. Rayski, Słowo prawdy o lotnictwie polskim 1919—1939, Londyn, 1948, str. 16.

БССР імені

Немало заработал на «укреплении обороноспособности государства» и другой авиационный завод — «Бяла Подляска».

Председателем акционерной компании «Бяла Подляска», которая получала кредиты и субсидии от государства, был Розенверт-Ружичка, помещик, близ владений которого строился завод. В результате, указывает Райский:

«Г-н Розенверт, владелец земельных угодий Бяла Подляска, продал тому же г. Розенверту, председателю акционерного общества «Бяла Подляска», 70 *га* земли под аэродром за сумму в размере полтора миллиона злотых, хотя действительная стоимость этой земли не превышала 70—100 тыс. злотых. Из этой суммы общество «Бяла Подляска» выплатило г. Розенверту миллион злотых наличными — несомненно, из авансов, предназначавшихся на военные цели. Не удивительно, что после этого нехватало денег для выплаты зарплаты рабочим и служащим»[1].

Огромные денежные суммы, которые государственный финансовый аппарат отнимал у трудящихся в виде прямых или косвенных налогов и которые фигурировали в расходной части государственного бюджета в разделе «Армия», пополняли сейфы не только польских капиталистов, но и связанных с ними иностранных капиталистов. Вот что пишет генерал Райский о деловых связях Польского государства с французско-польской фирмой «Франкополь», которая должна была ежегодно поставлять 600 моторов и 300 боевых самолетов:

«Цены, уплачиваемые государством «Франкополю» за самолеты и моторы, должны были покрывать полностью издержки их производства. Кроме того, государство гарантировало фирме 15% чистой прибыли (!!! — *Прим. Райского.*).

При подписании договора государство предоставляло задаток в размере 5% предполагаемой суммы годового заказа и дополнительно 10% после приобретения участка и начала строительства предприятия. На основании договора в течение 10 лет должны были производиться самолеты одного и того же (и в то время уже устаревшего) типа. Теперь, после войны, когда даже неискушенный человек уясняет себе значение авиации, нет необходимости комментировать эти обстоятельства. Более того, при таком порядке установления цен в интересах фирмы было... строить как можно дороже.

---

[1] Z. Rayski, Słowo prawdy o lotnictwie polskim 1919—1939, Londyn, 1948, str. 17.

Первый задаток в размере около *миллиона злотых в золоте* (!!!) был выдан фирме на основании приказа начальника административной службы армии»[1].

В конечном счете фирма «Франкополь» завода не построила, а вместо 600 моторов и 300 самолетов выпустила лишь два некомплектных фюзеляжа. Несмотря на это, под видом авансов, фирма ограбила государственную казну на 4 млн. злотых в золоте и, наконец, продала несуществующий завод (участок с двумя небольшими сооружениями) вместе с правом на договор чехословацкой фирме «Шкода» «за круглую сумму в размере нескольких миллионов злотых».

«Шкода» возместила убытки, разумеется, за счет цен на моторы... польской же казне был нанесен еще один ощутительный удар»[2].

Французские и польские капиталисты заработали таким образом несколько миллионов злотых чистоганом, не поставив никакой продукции.

Но на этом деле заработали и другие.

Тогдашний начальник административной службы польской армии генерал Михелис, от решения которого зависела выплата первого задатка фирме «Франкополь» в размере одного миллиона злотых, был совладельцем акционерной компании «Поциск», руководство которой от имени польской авиации заключило договор с фирмой «Франкополь». Одним из членов — учредителей фирмы «Франкополь» был командующий польской авиацией генерал Загурский.

Все эти факты позволяют понять подоплеку аферы с бронированными плитами, которые в 1932 г. военное министерство приобрело у известного английского военнопромышленного концерна «Виккерс». Как упоминается в неопубликованных дневниках небезызвестного генерала Заморского, при испытании плит на полигоне было обнаружено, что они пробиваются на расстоянии в 350 *м*. Несмотря на это, было дано согласие на поставку плит, а начальник департамента инженерного снабжения военного министерства отдал приказ о запрещении дальнейшего испытания этих плит.

---

[1] Z. Rayski, Słowo prawdy o lotnictwie polskim 1919—1939, Londyn, 1948, str. 18.

[2] Там же, стр. 24.

«Это дело, — пишет генерал Заморский, — явно пахло уголовщиной». Не удивительно поэтому, что виккерсовские танки со слабой броней оказались в ходе сентябрьской кампании 1939 г. почти бесполезными.

Итак, даже армия, интересы которой «как зеницу ока» охраняла пилсудчина и которой отводилась роль антисоветского ударного тарана, была подчинена интересам наживы отдельных картелей и компаний, как польских, так и иностранных.

Эти примеры подтверждают тезис о том, что буржуазное государство, его органы, его правительство, особенно в период империализма, являются орудием монополий, применяемым, в частности, для перекачки финансовых средств широчайших масс трудящихся в карманы капиталистических монополистов, что осуществляется с помощью дымовой завесы лживых фраз об «интересах страны», об «общем благе», о «поддержке хозяйственного развития», о «необходимости обороны» и т. д.

Весьма характерным и проливающим яркий свет на процесс сращивания государственного аппарата с капиталом является дело Стефана Оссовского. Оссовский в 1922—1923 гг. был министром промышленности и торговли. В то же самое время он являлся членом наблюдательных советов ряда компаний, в том числе акционерной компании «Азот», акционерной компании «Польская химическая промышленность» и др. Несколькими месяцами позже, не будучи уже министром, но оставаясь влиятельным пайщиком многих акционерных компаний, Оссовский благодаря своему влиянию и личным связям, установленным в бытность его министром, осуществляет передачу пакета акций акционерной компании «Урзус» в руки государства.

Хронологически ход дела представляется следующим образом.

27 мая 1924 г. акционерная компания «Урзус» подписывает обязательство о передаче пакета акций правительству.

30 мая того же года Оссовский, член наблюдательного совета компании «Урзус» и бывший министр промышленности и торговли, назначается членом государственного совета «Банка господарства крайовэго» (БГК).

На следующий день, то есть 31 мая, экономический комитет совета министров принимает к сведению обязательство «Урзус» и решает приобрести акции.

7 июля БГК предоставляет фирме «Урзус» финансовую гарантию.

29 июля Оссовский назначается представителем БГК в наблюдательный совет компании «Урзус», где выступает уже в качестве частного капиталиста, становясь таким образом одновременно защитником интересов частного капитала, вложенного в компанию «Урзус», и представителем государственных интересов.

Ясно, что сложившееся положение использовал в своих целях исключительно частный капитал, получая возможность хищнически эксплуатировать общественные фонды. В 1925 г. акционерная компания «Урзус» получила от БГК два гарантийных письма для военного министерства (на сумму 1 500 тыс. злотых), гарантийное письмо БГК с поручительством государства для заграничных фирм (на сумму 70 тыс. фунтов стерлингов), а также значительные кредиты наличными[1].

Финансирование общества «Урзус» производилось в течение ряда последующих лет. Кредиты, предоставленные БГК акционерной компании «Урзус», составили 26 400 тыс. злотых, в то время как акционерный капитал предприятия равнялся 15 млн. злотых, а после покрытия убытков по эксплуатационной деятельности за 1929 и 1930 гг. сократился до 195 005 злотых. В 1930 г. 90,36% акций акционерной компании «Урзус», находившихся во владении банка, были приобретены государством за сумму... 1 тыс. злотых, причем государство приняло на себя обязательство выплачивать задолженность фирмы «Урзус» БГК в течение... 35 лет. Таким образом, государственная казна потеряла на финансировании акционерной компании «Урзус» не менее 26 млн. злотых.

---

[1] Из отчета БГК за 1925 г.

Аналогичные кредиты были предоставлены многим другим частным предприятиям, членом наблюдательных советов которых являлся Оссовский до создания БГК, как, например, акционерной компании «Азот», акционерной компании «Польская химическая промышленность», дочерней компании последней «Келецкое товарищество по производству искусственных удобрений и других химикалиев» (70% акционерного капитала этой компании было в собственности компании «Польская химическая промышленность»).

В незаполненном векселе акционерной компании «Азот» под обеспечение кредита, предоставленного этому предприятию БГК, фигурировала подпись члена наблюдательного совета компании Стефана Оссовского, который одновременно был членом наблюдательного совета, а позднее и вице-председателем БГК — банка-кредитора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что все просьбы компании «Азот» о предоставлении ей кредитов и пролонгации срока платежей исключительно быстро удовлетворялись дирекцией БГК. Достаточно было пометки на письме компании «Азот»: «Поддерживает министр Оссовский. Согласиться на трехмесячное продление».

Таковы были методы использования аппарата БГК для оказания поддержки неплатежеспособным частным капиталистическим предприятиям, за счет вверенных банку общественных средств и в интересах крупнокапиталистических доверителей.

«Политика Оссовского, — писал проф. Тенненбаум, — ведет к тому, что между предприятиями, пайщиком которых он являлся до создания БГК, и «Банком господарства крайовэго» образовалась «Interessengemeinschaft», то есть общность интересов, и создался «концерн», управляющим которого он хочет быть. Точно так же действовал г. Войцех Корфанты, заключавший соглашения о кредитах Силезского банка (он был членом совета банка) тем предприятиям, членом совета или правления которых он являлся. Однако можно усомниться в том, что он сам подписывал векселя этих предприятий, хотя бы потому, что он был достаточно «бывалым и опытным дельцом»[1].

А вот другой пример деятельности Оссовского.

Генеральным директором государственного предприятия «Польмин» был Вележинский. Членами наблюдательного совета «Польмин» были, в частности, Шайнок и Щепановский. Одновременно (в 1923 г.) Вележинский и Шайнок были членами исполнительного комитета наблюдательного совета частного товарищества «Междугородние газопроводы», а также основателями и совладельцами акционерной компании «Газолин»; кроме того, Шайнок и Щепановский были пайщиками, а Шайнок председателем Союза польских нефтепромышленников.

Между фирмами «Польмин», «Газолин» и «Междугородние газопроводы» существовали постоянные торговые связи. Фирма «Газолин» поставляла фирме «Польмин» газолин, получая в свою очередь от «Польмин» бензин. «Газолин» и «Междугородние газопроводы» были поставщиками природного газа для фирмы «Польмин», несмотря на то, что использование этого газа было нерентабельным. Союз польских нефтепромышленников доставлял фирме «Польмин» нефть.

«Польмин» переплачивала за газолин и нефть, брала ненужный ей природный газ, так как генеральный директор «Польмин» и члены наблюдательного совета, являясь одновременно пайщиками и руководителями частных капиталистических компаний-поставщиков, были в этом заинтересованы.

Так, например, 19 января 1923 г. «Польмин» продала фирме «Газолин» 10 тыс *т* бензина по цене 1 200 марок за *кг*, то есть на 10 марок за *кг* дороже против установленных в прейскуранте цен. На первый взгляд казалось, что «Польмин» хорошо заработала на этом деле, а «Газолин» понесла убытки. Но если учесть, что на следующий день, то есть 20 января 1923 г., цена бензина того же сорта поднялась почти на 40%, то есть с 1 200 марок до 1 650 марок за 1 *кг*, то станет ясным, что «Газолин», а вместе с ним Вележинский и Шайнок заработали на этой сделке 45 млн. марок чистоганом.

---

[1] H. Tennenbaum, Skomercjalizowana racja stanu, Warszawa, 1927, str. 75.

В 1922 г. правительство — вопреки интересам государства — продало компании «Междугородние газопроводы» трубы в кредит, хотя специалисты требовали оплаты наличными. Эта сделка станет понятной, если учесть, что участие государственной казны в компании «Междугородние газопроводы» составляло только 10%, а фирмы «Газолин» — 25%. С фирмой «Газолин» был связан тогда министр Оссовский. Двумя неделями позже Оссовский назначил Вележинского, представителя общества «Междугородние газопроводы», директором «Польмин».

Оссовский как в бытность министром, так и позднее, на посту вице-председателя БГК, осуществил ряд подобных сделок во имя своих собственных интересов и в интересах капитала, представителем которого он являлся (например, предоставление американскому концерну невыгодной для Польши электрификационной концессии).

Оссовских было много, при этом на разных должностях. Можно ограничиться приведением таких фактов. Во время выборов в правление Польского банка Союз частных банков провел трех своих кандидатов. Кроме того председатель наблюдательного совета Союза частных банков Станислав Карпинский стал председателем Польского банка, член наблюдательного совета Союза частных банков Вл. Мечковский получил должность главного директора упомянутого банка.

Генеральным директором БГК был представитель Союза частных банков Шимановский, а вице-министром финансов (и позднее министром) — председатель правления варшавского отделения Союза частных банков Чеслав Клярнер.

Само собой разумеется, что в наблюдательные советы обоих банков входили также представители класса помещиков. Не удивительно поэтому, что основную часть своих кредитов БГК предоставлял не государственным предприятиям, а крупным помещикам и частнокапиталистическим предприятиям. Так, например, в 1926 г. государственные предприятия, повятовые (уездные) и гминные (волостные) органы самоуправления и кооперативы получили 3% общей суммы кредитов, отпущенных БГК, помещики — 55, частнокапиталистическая промышленность — 32, частные банки — 5%.

Вот что писал в этой связи Тенненбаум:

«Руководящие органы БГК не могут быть объективными, так как их представители объединяют функции, которые нельзя примирить. Возможно ли положение, при котором представитель дирекции БГК не поддерживал бы частные предприятия, в руководящих органах которых он находится, либо не использовал бы БГК во имя интересов частного предприятия, в органы которого он был избран с какой-то целью»[1].

То, что либеральный профессор, эпигон домонополистического капитализма, считал незакономерным, представляет обычное явление в условиях монополистического и особенно государственно-монополистического капитализма.

Но сращивание аппарата государственной власти с капиталистическими монополиями заключалось не только в совмещении капиталистическими магнатами государственных и частнохозяйственных постов и проявлялось не только в использовании государственных средств для частнокапиталистических целей.

Анализ персонального состава польского сейма и сената показывает наличие в них многочисленных представителей крупного промышленного и банковского капитала и крупного землевладения, составляющих польскую финансовую олигархию. Так, например, председателем комиссии Сената по иностранным делам и одновременно вице-председателем ББВР (Беспартийный блок сотрудничества с правительством. — *Ред.*) был князь Януш Радзивилл, крупный помещик, председатель исполнительного комитета Союза сахарных заводов, председатель Малопольского банка в Кракове, член президиума Центрального союза польской промышленности («Левиафан») и т. д.

На дипломатической службе подвизались лица с графскими и княжескими титулами. Кроме того, многие государственные чиновники были связаны с финансовым капиталом различными косвенными путями.

В Польше, как и во всех других капиталистических странах в эпоху империализма, состав правительства и руководящих государственных органов, а также их политика определялись и контролировались финансовым капиталом, в котором значительную роль играл иностранный капитал.

---

[1] H. Tennenbaum, Skomercjalizowana racja stanu, Warszawa, 1927, str. 55.

Хотя между отдельными группами буржуазии имелись серьезные противоречия, а массы вводились в заблуждение путем «борьбы для галерки» (по выражению Тенненбаума) и путем спекуляции на том факте, что Польша была лишена независимости в течение 150 лет, в Польше, как и во всякой капиталистической стране, не мог быть «сформирован кабинет против воли крупнейших финансовых тузов»[1].

---

[1] И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 100.

III

ГОСУДАРСТВО — ОРУДИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ И УГНЕТЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС

Определяя роль и отношение буржуазного государства к хозяйству, товарищ Сталин указывает, что капиталистическое государство есть:

«... институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства»[1].

Это определение вскрывает существо отношений между государством и хозяйством в капиталистических странах. В процессе развития капитализма, а особенно государственно-монополистического капитализма, происходит все большее подчинение буржуазного государства капиталистическому хозяйству и в первую очередь крупным капиталистическим монополиям. Крупнейшие магнаты отдельных отраслей производства или их представители, взаимно связанные участием в различных акционерных компаниях, картелях и концернах, составили ядро финансовой олигархии, державшей в своих руках все хозяйство страны. Именно эта олигархия управляла страной, ее исполнительными органами были в конечном счете и правительство и весь государственный аппарат как в области внутренней, так и внешней политики.

В течение всего межвоенного двадцатилетия политика буржуазной Польши целиком соответствовала положению, сформулированному А. Вежбицким, апологетом крупного капитала, следующим образом:

---

[1] И. Сталин, Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом, Государственное издательство политической литературы, 1938 г., стр. 5.

«Линия нашей хозяйственной политики должна соответствовать характеру того строя, который у нас существует. Поскольку мы живем в капиталистической стране, наша политика должна быть прокапиталистической, иначе в нашей жизни возникнут неразрешимые противоречия».

И действительно, политическая линия правительств досентябрьской Польши была всегда прокапиталистической, точнее говоря, представляла интересы крупного капитала, что было подтверждено Вежбицким в его докладе, сделанном на заседании Союза журналистов и публицистов, занимающихся вопросами экономики.

Вежбицкий сказал:

«Г-н премьер вместе со всем правительством всегда стоял и стоит за сохранение капиталистической структуры общественного хозяйства».

Иногда, однако, буржуазные правительства вынуждены были маневрировать, идти на определенные уступки массам, даже щеголять левой фразой для того, чтобы еще более последовательно решать задачи, поставленные так называемыми «хозяйственными сферами».

Тот же Вежбицкий на одном из совещаний правительства с представителями крупного капитала, состоявшемся вскоре после майского переворота, заявил:

«Ни одно правительство не может на сколько-нибудь длительный период допускать оппозицию широких масс населения. Социальный мир, являющийся необходимым условием для нормального функционирования производства, приобретается в настоящее время ценой некоторых экономических уступок» [1].

Этим объяснялись различные мероприятия по обману широких масс.

В действительности, однако, политика государственного аппарата была поставлена на службу магнатам крупного капитала, подчиняя им как экономические интересы страны, так и интересы и материальные условия жизни широчайших масс рабочих и крестьян.

---

[1] „Narady gospodarcze rządu z delegatami Izb Przemysłowo — Handlowych“, 7 i 8 września 1929 r,

Через пять месяцев после майского фашистского переворота на хозяйственном совещании при президиуме совета министров от 30 и 31 октября 1926 г., в котором приняли участие видные деятели финансового капитала Польши, представитель помещиков Ян Стецкий выдвинул следующие требования:

1. Государство должно исходить из того, что хороша лишь только та политика, которая не направлена против интересов капитала.

2. Государство должно отказаться от проведения каких бы то ни было социальных экспериментов, причем под этим надо понимать и ликвидацию тех социальных мероприятий, вред и ошибочность которых подтвердил опыт прошедших лет.

3. Государство должно уменьшить налоги, обременяющие крупных землевладельцев, увеличить налоги с середняков и малоземельных крестьян, снизить заработную плату сельскохозяйственным рабочим, отменить коллективные договоры, уменьшить расходы на социальные мероприятия, ликвидировать задолженность крупных землевладельцев.

На этом же совещании Вежбицкий выдвинул дальнейшие конкретные требования:

1. Государство должно содействовать изменению мировоззрения широких масс в пользу капитализма.

2. Государство должно поднять цены на уголь и железо.

3. Государство должно удлинить рабочий день.

4. Государство должно прекратить осуществление «социальных экспериментов» и освободить капиталистов от обязанности найма рабочих через посредство государственного Бюро посредничества труда.

Ссылаясь на привилегии, предоставленные польским правительством крупной американской компании Гарримана (компания была освобождена от уплаты имущественного налога в течение 25 лет, и ей была гарантирована стабильность условий ее хозяйственной деятельности), Вежбицкий задал вопрос:

«Разве те условия, которые продиктовал американский капиталист, не являются руководством к действию в области экономической политики Польши?»

Другой представитель финансового капитала, Рожер Баталья, требовал введения по царскому образцу принудительного арбитража и запрещения забастовок. При этом он ссылался на итальянского министра де Стефани, заявившего, что «он не понимает иной политики, помимо той, которая содействует развитию капитализма».

Далее Баталья выдвинул следующие требования:

«Необходимо сократить число предприятий и приблизить их к фордовскому идеалу. Это требует высокой степени концентрации промышленности, в которой должны действовать синдикаты, картели и даже тресты» [1].

После майского переворота при президиуме совета министров были созданы 3 консультативные комиссии, во главе которых встали представители финансового капитала. В задачи комиссий входило определение курса политики правительства как в области хозяйства, так и в других областях, составление соответствующих законопроектов и исправление правительственных законопроектов.

Систематически созывались совещания членов правительства с представителями так называемых «хозяйственных сфер», среди которых были «акулы» монополистического капитала и помещичьи «зубры». На этих совещаниях задавали тон крупнейшие капиталисты и их лакеи — фальтеры, вейншенки, пшедпелские, гливицы, жихлинские, минковские, загленичные, радзивиллы, любомирские, холынские, фудаковские, клярнеры, левальские, гейеры, стецкие и вежбицкие. Характер этих совещаний ярко определил премьер Бартель, указав на одном из них, посвященном налоговым проблемам:

«Это будет совещание между «паном, старостой и приходским священником». Я буду старостой, а роль священника пусть возьмет сегодня на себя господин министр финансов» [2].

Что касается роли пана, то Бартель молчаливо отводил ее представителям монополистического капитала и крупного помещичьего землевладения.

---

[1] „Współpraca rządu ze sferami gospodarczymi panstwa". (Отчет о хозяйственном совещании, состоявшемся 30 и 31 ноября 1926 г. при президиуме совета министров).

[2] Стенограмма совещания премьера Бартеля и министра Чеховича с промышленниками и землевладельцами.

Не удивительно, что за совещаниями такого рода следовало новое наступление на жизненный уровень трудящихся масс.

Поэтому период правительств санации был периодом ликвидации завоеваний рабочего класса, достигнутых во время революционного подъема 1918 г.

В течение всего межвоенного периода объектом нападок со стороны капитала являлся гарантированный в законодательном порядке восьмичасовой рабочий день. Однако правительство, памятуя слова А. Вежбицкого о том, что «нельзя на сколько-нибудь длительный период допускать оппозицию широких масс населения», а также, что «социальный мир, являющийся необходимым условием нормального функционирования производства, приобретается в настоящее время ценой некоторых экономических уступок», в течение длительного времени не решалось пойти на законодательное удлинение рабочего времени. Тем не менее на практике рабочий день удлинялся систематически и безнаказанно. Так, при обследовании 50 текстильных фабрик в Лодзи в 1927 г. было установлено, что на 7 фабриках продолжительность рабочего времени, вопреки положениям законодательства о восьмичасовом рабочем дне, составляла 16 часов, на 27 фабриках — 12 часов и на 16 фабриках — 10 часов. Как рабочим, так и их профессиональным союзам не к кому было обратиться с тем, чтобы пресечь нарушения закона, так как государственный аппарат и судебные органы действовали по указке капиталистов. Приводимые в работе Станислава Рыхлинского «Продолжительность рабочего дня в промышленности» выдержки из ряда отчетов инспекторов труда свидетельствуют о действительном положении вещей.

Так, например, инспектор труда из области, которая славилась своей «верностью букве закона», а именно из Познанского округа, пишет:

«Суды нередко затягивают решение дел по актам инспекторов; полгода и более проходит, прежде чем выносится судебный приговор; вместе с тем накладываемые штрафы незначительны и не оказывают должного воздействия на упорствующих правонарушителей».

Не говоря уже о частых случаях освобождения предпринимателей, незаконно увеличивающих рабочий день, от каких-либо взысканий, «необходимо констатировать, что устанавливаемые штрафы настолько незначительны, что работодатели безусловно не обращают на них внимания».

Взыскания за нарушение закона о рабочем дне были, как правило, крайне незначительными: обычно накладывался штраф в размере 10—20 злотых. На одном из предприятий владелец заставлял рабочих работать по 18 часов в сутки, а когда рабочие запротестовали против такого произвола, то они были немедленно уволены. Суд оштрафовал владельца предприятия на... 30 злотых.

Даже Министерство социального обеспечения вынуждено было сделать следующее признание:

«Правонарушения со стороны отдельных предприятий в таких вопросах, как удлинение рабочего дня сверх законодательной нормы, выплата заработной платы квитанциями на получение товаров в различных лавках, отказ рабочим в предоставлении отпусков и т. д., имеют массовый и постоянный характер, однако фактически остаются недоказанными. Установить, действительно ли не выполняются инструкции о рабочем дне, об отпусках и т. п., как правило, невозможно без участия самих работающих, а это последнее представляется весьма трудным делом».

«Во многих случаях все эти нарушения имеют место потому, что суды применяют мягкие меры наказания».

«Против нарушителей законов о рабочем дне, об отпусках и о трудовых договорах суды применяют наименьшие из всех предусмотренных законом мер наказания»[1].

Естественно, капиталисты благодаря этому положению получали огромные доходы. Удлинение рабочего времени каждой тысячи рабочих на один час при среднем дневном заработке рабочего в 4 злотых давало капиталисту 500 злотых прибыли в день или 50 тыс. злотых в течение 100 дней. В то же время штраф составлял 30—100, самое большее 200 злотых.

Государственный аппарат использовался для принудительного «арбитража» в целях ликвидации конфликтов между фабрикантами и рабочими. Профсоюзные боссы вроде квапинских и здановских помогали реализовывать эту функцию государства, в которой проявлялся якобы его «надклассовый» характер. На деле путем принудительного арбитража рабочему классу навязывались под прикрытием авторитета государственной власти всё худшие условия труда и всё более низкая зарплата. Таков был, в частности, один из путей сращивания профсоюзной верхушки с аппаратом фашистского государства и монополистических объединений [1].

---

[1] „Polityka społeczna państwa polskiego“, wyd. Min. Opieki Społ., 1935, str. 124.

Л. Кшивицкий в предисловии к книге Крахельской «Лодзинская текстильная промышленность в свете законодательства о труде» писал:

«Создается трагическое положение. Мир стяжателей воочию демонстрирует немощность польского государства, внушая трудящимся мысль, что это государство не соблюдает своих обязательств. А этим самым у трудящихся убивается имеющая такое важное значение с точки зрения интересов государства вера в независимую Польшу, в основу правопорядка. Именно в этом коренится вся серьезность положения» [2].

Разумеется, Кшивицкий, не являясь марксистом, не понимал или не хотел понять того факта, что именно такой была и иной не могла быть «законность» государства, в котором правила финансовая олигархия.

Вся «законность» буржуазного, всё более фашизировавшегося польского государства, «деятельность» всех звеньев его хозяйственного, политического, судебного, административного и военного аппарата были подчинены интересам польской и международной финансовой олигархии и направлены против интересов трудящихся масс.

---

[1] Этот процесс происходил и другими путями. Известны, например, факты, когда некоторые лидеры ППС являлись одновременно членами наблюдательных советов капиталистических предприятий. Так, например, Артур Гауснер был членом наблюдательного совета акционерной компании „Явожницкие угольные копи“, владевшей 4 угольными шахтами, электростанцией, лесопильным заводом, свинцовым рудником и 5 900 *га* земли и имевшей капитал в 20 млн. злотых. Эмиль Бобровский был членом наблюдательного совета акционерной компании „Краковские городские электрические дороги“ с капиталом в 4,6 млн. злотых.

[2] H. Krahelska, Lódzki przemysł włokienniczy wobec ustawodawstwa pracy, I. G. S., Warszawa, 1927.

Политика в области труда и заработной платы, политика цен, налоговая и кредитная политика имели целью обеспечить как можно большую прибыль польским монополиям и иностранным держательским компаниям за счет снижения жизненного уровня рабочих и трудящихся крестьян, за счет жизненных интересов страны, интересов развития ее хозяйства.

«Бессильно» было государство лишь в отношении капиталистов, нарушавших законы, но в отношении рабочего, добивавшегося прожиточного минимума, в отношении крестьянина, протестовавшего против беспримерной эксплуатации со стороны картелей и помещиков, оно представало в виде бронированного полицейского кулака.

Помещичье-монополистические интересы охраняла не только полиция; в этих целях использовалась и армия.

Теория о «надклассовом» характере государства пускалась в ход прежде всего по отношению к армии, которую пытались представить «стоящей вне политики», «служащей всему народу». Однако вся история довоенного двадцатилетия подтверждает тот факт, что армия — один из основных органов государственного аппарата — представляла собой, как и весь этот аппарат, «...орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение...»[1]

Классовый характер армии проявлялся особенно ярко тогда, когда она использовалась в борьбе против рабочих и крестьян. Как в Кракове в 1923 г. и в 1936 г., так и во Львове в 1936 г. во время крестьянских забастовок в 1937 г. и во многих других случаях во время выступлений польских трудящихся масс солдаты, то есть рабочие и крестьяне, одетые в военный мундир, получали приказ стрелять в своих собратьев. Армия использовалась также в целях подавления забастовок. Эту роль армии официально предусматривал даже лживый во всех отношениях устав внутренней службы, часть VIII которого содержала инструкцию о так называемой «ассистенции», то есть об использовании армии в целях подавления «волнений». Генеральный штаб специально издал «труд» подполковника Стефана Ровецкого, впоследствии генерала и коменданта ЗВЗ[1], под названием «Уличные бои».

---

[1] В. И. **Ленин**, Соч., т. 25, стр. 359.

«Труд» этот, использующий, как указывает сам Ровецкий, опыт подавления революционных выступлений в 1848, 1871, 1905 и 1918 гг., учит не применять холостых патронов, метко целиться в людей... «недовольных нынешним строем»[2], использовать танки и артиллерию против рабочих, обстреливать занятые ими дома и т. д. Выполнение армией этих классовых задач обеспечивалось соответствующим классовым составом и характером офицерского корпуса.

Армия государства монополистов и помещиков не могла быть иной, она послушно выполняла указания крупного капитала.

Когда наступили годы экономического кризиса, монополистический капитал в категорической форме потребовал ликвидировать завоевания рабочего класса, достигнутые во время революционного подъема после первой мировой войны. Представитель помещиков-буржуа, тесно связанных со всем финансовым капиталом, г. Стецкий усматривал суть кризиса в нерентабельности производства и видел единственное средство спасения в том, чтобы «восстановить окупаемость производства, то есть восстановить равновесие между продажной ценой товара и издержками его производства».

Снижение издержек производства, которого добивались стецкие, вежбицкие, гливицы и другие капиталистические магнаты, означало в их понимании общее наступление на жизненный уровень промышленных, сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян, снижение заработной платы, удлинение рабочего дня, свертывание социального страхования.

3 ноября 1932 г. на заседании совета Центрального союза польской промышленности видный представитель монополистического капитала Анджей Вежбицкий высту-

---

[1] „Звёнзек вальки збройней" — Союз вооруженной борьбы, реакционная организация, созданная в период оккупации Польши в результате объединения ряда военных организаций, подчинявшихся польскому эмигрантскому „правительству" в Лондоне. — *Прим. ред.*

[2] Stefan Rowecki, Walki uliczne, Warszawa, 1938, str. 1.

пил с развернутой программой общего наступления на трудящиеся массы, ликвидации социальных завоеваний, с капиталистической программой выхода из кризиса[1].

В этой программе выдвигалось требование снять с предпринимателей налоговую задолженность и задолженность по уплате взносов в фонд социального страхования, то есть требование подарить помещикам и монополистам около 1 млрд. злотых (налоговая задолженность в размере 700 млн. злотых и задолженность по взносам в фонд социального страхования свыше 200 млн. злотых); предоставить помещикам льготы по уплате различных долгов; повысить в интересах помещиков экспортные премии; отказаться от снижения цен на промышленные товары; ликвидировать коллективные договоры; снизить заработную плату; ввести принудительный арбитраж и ликвидировать восьмичасовой рабочий день; ограничить или даже (по усмотрению предпринимателей) отменить отпуска рабочим; отказаться от проведения социальных мероприятий, имеющих целью создание удобств для рабочих (например, от организации детских яслей, устройства фабричных душей и т. п.); уменьшить взносы фабрикантов в фонд социального страхования; сократить до минимума другие социальные мероприятия; ограничить время пользования медицинской помощью; взыскивать плату за оказываемую медицинскую помощь; уменьшить различные денежные пособия и т. д.

Мотивировка этих требований была, как всегда, наглой, циничной и лживой. В частности, говорилось:

«Мы хотим идти рука об руку с миром труда, вместе с которым мы создаем общественное благосостояние. Мы не посягаем на его завоевания... Мы понимаем его нынешние бедствия и нищету, но именно поэтому... мы должны сократить излишне высокие расходы на социальные мероприятия и снизить чрезмерно выросшую заработную плату»[2].

Фашистское правительство не оставалось глухо к требованиям своих хозяев. Уже в декабре 1932 г. премьер-министр Прыстор в своем выступлении в сейме одобрил программу «Левиафана»: «В соответствии с требованиями хозяйственных сфер, — заявил он, — мы должны уменьшить бремя расходов на социальные мероприятия». Требования монополий были отражены во внесенном правительством на рассмотрение сейма «едином социальном законопроекте».

---

[1] A. Wierzbicki, Program gospodarczy Centralnego Związku Przemysłu Polskiego, Warszawa, 1934.

[2] Там же.

Считалось, что Польша проводит политику «дефляции». Но это было верно лишь отчасти. Нельзя назвать дефляционной политику высоких экспортных премий, субсидий, поручительств под займы для крупных неплатежеспособных компаний, политику принудительного картелирования, обеспечивающую высокие картельные цены.

Политика государства не была дефляционной по отношению к крупному капиталу, она была дефляционной лишь по отношению к трудящимся массам и заключалась в снижении заработной платы, в удлинении рабочего дня, в ликвидации социальных завоеваний, в ограблении крестьянских масс и т. д.

Монополистический капитал при содействии государства систематически перекладывал бремя кризиса на плечи трудящихся. В годы кризиса произошло значительное снижение не только номинальной, но и реальной заработной платы. Пример подало само правительство, снизив заработную плату рабочих в государственных предприятиях и уменьшив оклады государственных служащих на 20%.

Один из аргументов, выдвигавшихся сторонниками государственного капитализма, заключался в том, что рабочий, занятый на государственном предприятии, легче мирится с ухудшением условий жизни, чем рабочий, занятый на частнокапиталистическом предприятии, что в свою очередь облегчает и капиталистам осуществление подобных мероприятий.

Ухудшение условий труда рабочих в период кризиса было легализировано законами 1933 г., изданными в порядке прямого исполнения требований крупных монополий. Так, например, закон от 22 марта 1933 г. об изменениях в законе от 18 декабря 1919 г. «О рабочем дне в промышленности и торговле» ликвидировал 46-часовую рабочую неделю.

Закон от 22 марта 1933 г. «Об изменении закона от 16 мая 1922 г. об отпусках для лиц, занятых в промышленности и торговле» ввел положение, согласно которому рабочим не оплачивались воскресенья и другие праздничные дни, падающие на отпускное время.

Министерству социального обеспечения, а также Министерству промышленности и торговли было предоставлено право приостановить на годичный срок выполнение предписаний закона об отпусках. Более того, если в течение какой-либо недели рабочий проработал менее 48 часов, закон допускал обязательную отработку неиспользованных часов в течение последующих трех недель при условии, что рабочий день не превышал 9 часов. В отраслях промышленности с сезонным циклом работы был введен 10-часовой рабочий день. «Соответствующие» административные органы получили право предоставления разрешений на сокращение и даже полную ликвидацию перерывов на отдых.

Неуплата заработков рабочим была массовым явлением. Закон о мерах по отношению к правонарушителям (от 1932 г.) предусматривал санкции за задержку выплаты рабочих заработков только при наличии злого умысла работодателя или пренебрежения работодателя своими обязательствами. В гражданско-процессуальном кодексе имелось положение о том, что при принудительном взыскании задолженности с движимого имущества задолженность домашней прислуге за последний год службы (покрывается за счет продажи домашней утвари) и работникам предприятий (покрывается только за счет продажи движимого имущества предприятия) занимает лишь пятое место по очередности удовлетворения иска.

Но Министерство социального обеспечения считало, что даже и эти положения «могут иметь лишь частичный эффект в период, когда главная причина возросшей задолженности по уплате заработков коренится в общем положении страны, то есть вне реальных возможностей и законов»[1].

---

[1] „Polityka społeczna państwa polskiego", wyd. Min. Op. Społ., 1935.

Таким образом, государственный орган по «социальному обеспечению» заранее реабилитировал капиталистов, которые, принимая во внимание «общее положение страны», не выплачивали рабочим те гроши, которые были заработаны пòтом и кровью.

17 марта 1932 г. сейм, являющийся по существу органом монополистического капитала, принял закон, который значительно ограничивал объем помощи безработным.

Так, например, после принятия закона, при исчислении размера пособий безработным в основу расчета легло количество рабочих дней в неделе, тогда как ранее расчет исходил из полной недели; была снижена также норма дневного заработка, на основании которой исчислялся размер пособия; продолжительность времени, в течение которого безработному причиталось пособие, подверглась сокращению до 13 недель. До введения в жизнь нового закона рабочий, проработавший на данном предприятии не менее 20 недель, пользовался правом на получение пособия. Новый закон удлинил стаж работы, требуемый для получения пособия до 26 недель. В результате изменения основы исчисления самого пособия его размер был сильно сокращен. Ликвидирована была даже видимость помощи частично безработным.

Нет ничего удивительного поэтому, что число лиц, получавших пособия, несмотря на рост безработицы, сократилось со 107 тыс. в 1931 г. до 49 тыс. в 1933 г., а средний размер еженедельного пособия снизился с 16 злотых в 1931 г. до 10 злотых в 1933 г.

Система социального обеспечения была бельмом на глазу у монополистического капитала и буржуазии в целом. Поэтому капиталисты и помещики добивались ее ликвидации. Фактическая ликвидация системы социального обеспечения была санкционирована законом от 28 марта 1933 г.

Этот закон лишал права на получение пособий по болезни всех сельскохозяйственных рабочих, а также ряд других категорий рабочих, например, практикантов; для других категорий срок выплаты пособий по болезни сокращался с 39 недель до 26; вводилась оплата за врачебную помощь и лекарства; размер пособий, выплачиваемых по болезни, уменьшался с 60 до 50% суммы заработка; размер пособий, выдаваемых при рождении ребенка, снижался более чем в два раза.

Не удивительно поэтому, что в течение первого полугодия после вступления в силу указанного закона общая сумма предоставленных денежных пособий сократилась наполовину, расходы на врачебную помощь — на одну четверть и т. д.

Но это еще не все. Раньше работодатель уплачивал $^3/_5$ взноса по страхованию по болезни, а рабочий $^2/_5$. Новый закон сократил долю капиталиста в общем взносе с $^3/_5$ до $^1/_2$ и повысил долю рабочего с $^2/_5$ до $^1/_2$.

Монополистический капитал и его фашистское государство искали выхода путем переложения всей тяжести кризиса на плечи трудящихся.

Расходы учреждений по социальному страхованию, а также размер страховых пособий подверглись сокращению. Одновременно были повышены размеры страховых взносов со стороны рабочих. Таков был путь к «восстановлению пошатнувшегося равновесия», к «восстановлению рентабельности предприятий».

До издания закона 1933 г. взносы по страхованию рабочих от несчастных случаев, уплачиваемые владельцем угольного или металлургического предприятия, составляли 5,8% заработка рабочих, после издания закона — только 3%. В центральных и восточных воеводствах до вступления в силу указанного закона взносы по страхованию на случай болезни, уплачиваемые предпринимателем, составляли 4,5%, после принятия закона — 2,5% заработка рабочих. В западных воеводствах до принятия закона 1933 г. капиталист вносил в фонд страхования от несчастных случаев 4%, после издания закона — 1% заработка рабочих. Наряду с повышением взносов рабочих по страхованию на случай болезни, на рабочего была возложена уплата 3% заработка в фиктивный «фонд пенсионного страхования».

Министерство социального обеспечения, призванное осуществлять политику правительства в области социального обеспечения, открыто и цинично заявляло:

«В период плохой конъюнктуры возможно переложение на работающего взносов, которые должен был в соответствии с намерениями законодателя платить работодатель»[1].

Следует учесть, что эти слова были сказаны в тот период, когда реальная заработная плата рабочих в течение трех лет снизилась на 42%, когда на одного человека в рабочей семье приходился 1 злотый ежедневного дохода[2], когда миллионы людей были безработными, когда катастрофически снизилось потребление широких масс, когда смертность новорожденных в рабочих семьях составляла в среднем от 35 до 50% к числу родившихся.

Были выполнены и программные требования Вежбицкого о снятии задолженности капиталистов по взносам в фонд страхования на случай болезни. Министерство социального обеспечения рекомендовало «больничным кассам» и другим учреждениям социального страхования предоставлять льготы работодателям при уплате задолженности по страховым взносам. Закон от 15 марта 1934 г. предписывал предоставлять предпринимателям рассрочку задолженности, образовавшейся до 1 июля 1932 г., а также списать или уменьшить проценты штрафа за просрочку платежей.

Закон от 26 марта 1935 г. пошел еще дальше. Изданное на его основе распоряжение Министерства социального обеспечения от 12 июля 1935 г. установило следующие льготы для предпринимателей:

1) Списать в официальном порядке 30% задолженности по страховым взносам на случай болезни, образовавшейся до 1 января 1934 г. и подлежащей погашению, начиная с 1 июля 1935 г. Предоставить возможность уплаты 40% оставшейся задолженности в два последующих срока; дополнительно списать 60% оставшейся задолженности. Фактически, таким образом, было списано 72% всей задолженности.

2) В отношении задолженности по другим видам страховых взносов льготы заключаются в рассрочке платежей по задолженности в течение 3—4 лет.

---

[1] „Polityka społeczna państwa polskiego", wyd. Min. Op. Społ., 1935.

[2] См. J. Derengowski, Próba szacunku dochodów robotniczych z pracy w przemyśle 1928—1932, Instytut Spraw Społecznych, Warszawa, 1934.

Специфическая особенность польского финансового капитала заключалась в крупной роли класса помещиков, который все более срастался с крупной промышленной, торговой и банковской буржуазией, составлял органическую составную часть монополистического капитала и оказывал весьма значительное влияние на политику государства и правительства.

В некоторых случаях, несомненно, имелись противоречия между интересами отдельных групп капиталистов и даже между отдельными группами финансового капитала. Преобладали, однако, центростремительные тенденции; вопросы решались в соответствии с общими интересами владельцев средств производства, монополистов производства, предпринимателей, эксплуататоров широких масс рабочих, крестьян, мелких буржуа.

В снижении заработков рабочих, удлинении рабочего времени, сокращении отпусков, ликвидации социального страхования, короче — в наступлении на жизненный уровень рабочего класса, изображаемом в виде «борьбы за рентабельность производства», всегда был заинтересован Синдикат металлургических заводов, если речь шла о рабочих-металлургах, и Союз землевладельцев, если речь шла о сельскохозяйственных рабочих.

Антисоветская политика Пилсудского являлась выражением интересов руководителей Торгового банка в Варшаве, которые мечтали о капиталовложениях в сахарные заводы Украины, акционерной компании «Фитцнер и Гампер», владельцам которой не давали покоя мечты о Краматорском заводе, шейблеров и познанских, которые мечтали о неограниченной эксплуатации рынков сбыта текстильных товаров на востоке, представителей металлургических картелей, стремившихся к захвату украинских руд и эксплуатации рабочей силы, и, наконец, помещиков, для которых захват Советской Украины и Белоруссии означал бы возврат старых и получение новых латифундий и возможность эксплуатации украинского и белорусского крестьянина.

Все они, впрочем, чувствовали нависшую над ними угрозу, явившуюся результатом великой притягательной пропагандистской силы величественных достижений первого в мире социалистического государства, достижений, которые ярко показывали трудящимся массам нелепость и паразитизм капиталистической системы. Провоенная, антисоветская политика польского буржуазно-помещичьего государства была выражением антисоветских интересов польской буржуазии и польских помещиков, польского монополистического капитала. Союз польского буржуазно-помещичьего государства с французским, английским, американским и немецким империализмом и совместная подготовка агрессии против СССР отражали тесную связь польского капитала с французским, английским, американским и немецким капиталами; зависимость и вассальная, зачастую прислужническая роль империалистического польского государства в отношении империалистических западных государств были выражением зависимости и полувассальной роли польского капитализма. Не следует, само собой разумеется, рассматривать этот процесс механически. Большое участие и крупная роль иностранного капитала в польской экономике являлись причиной и безусловно способствовали росту влияния западных империалистических государств на политику Польши, и, наоборот, политика польского империалистического государства облегчала проникновение в Польшу и эксплуатацию Польши иностранным капиталом. Но это отнюдь не означает, что между отдельными грабителями не существовали многочисленные противоречия. Здесь следует лишь подчеркнуть, что антисоветская политика пилсудчины была выражением интересов и планов как польских монополий и помещиков, так и их заграничных хозяев, что досентябрьское польское государство было орудием не только польского, но и международного монополистического капитала. Точно так же внутренняя фашистская политика государства, острие которой было направлено против любых выступлений трудящихся масс, против рабочих и крестьянских забастовок, против демонстраций, против национально-освободительного движения в Западной Украине и Западной Белоруссии и, в особенности, против Коммунистической партии Польши — вождя и организатора борьбы рабочего класса и трудового крестьянства за реализацию насущных требований и за революционное свержение капитализма, — не только получала широкую поддержку, но и была программным требованием всего капиталистического лагеря Польши, а особенно промышленных магнатов и крупных землевладельцев.

Снижение огромных государственных расходов на содержание армии и полиции было немыслимым делом для вежбицких и стецких, которые, хотя и разглагольствовали иногда о чрезмерных административных расходах, однако даже в самые тяжелые годы кризиса не требовали сокращения военно-полицейского бюджета.

Как мы уже отмечали выше, экономические интересы отдельных групп имущих классов не всегда совпадали между собой. Не всегда также совпадали интересы всего класса помещиков с интересами промышленной, торговой и банковской буржуазии.

Класс помещиков, впрочем, также не составлял единое целое. Имелась прослойка помещиков, вложивших крупные капиталы в банки и промышленные предприятия, связанные с монополистическим капиталом. Это имело место не только в сахарной или пищевой промышленности. Как уже указывалось, большое число помещиков было членами наблюдательных советов крупных верхнесилезских концернов.

Типичным представителем этой «передовой» прослойки помещиков, неотъемлемой части финансового капитала, был князь Януш Радзивилл.

Имелась, однако и группа помещиков-феодалов, так называемых зубров кресовых (кресы — восточные окраины Польши. — *Ред.*). К этой группе принадлежал, например, князь Альбрехт Радзивилл из Несьвежа, того самого Несьвежа, в котором в 1927 г. был оказан торжественный прием Пилсудскому, заверившему, что у него нет ничего общего с социализмом и что всем сердцем он предан «традиции», олицетворенной в несьвежском замке.

Имелась, наконец, прослойка средних помещиков и сельских богатеев.

Правительства досентябрьской (1939 г.) Польши стремились примирить противоречивые интересы отдельных капиталистических групп за счет рабочих, мелких и средних крестьян, а также за счет обедневшей мелкой буржуазии.

Зачастую противоречивость интересов различных капиталистических групп носила чисто формальный характер.

Казалось бы, что в таком вопросе, как соотношение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, водораздел проходит не между капиталистами и трудящимися, а между городом и деревней. Излюбленным демагогическим приемом буржуазной пропаганды было представление деревни как единого целого и противопоставление ее городу. Хождение имел, например, лозунг «лицом к деревне».

Этот прием был рассчитан на замазывание глубоких классовых противоречий, раздиравших деревню и город, на затушевывание подлинного водораздела между классами, на маскировку классовой буржуазно-помещичьей сущности государства, политика которого, вопреки демагогической фразеологии, всегда носила ярко выраженный классовый капиталистическо-помещичье-кулацкий характер и была направлена своим острием против рабочих и крестьян.

Как известно, в период кризиса 1929—1933 гг. произошло очень сильное падение цен на сельскохозяйственные продукты, при некотором снижении цен на промышленные товары, за исключением товаров, производимых монополиями, цены которых остались стабильными или даже несколько повысились.

Так, к декабрю 1933 г. цены на сельскохозяйственные продукты упали до 34,4% к уровню цен 1928 г., а цена соли составляла 104,5% к уровню 1928 г., керосина — 94,8, железа — 84,5, табака — 99,9, минеральных удобрений — 82,1%. Роль картелей видна хотя бы в том, что до создания цементного картеля в 1926 г. 100 *кг* цемента стоили 2,5 злотых, после организации картеля в том же году цена поднялась до 6,5 злотых, а в 1927 г. — до 7,7 злотых. На этом уровне цены держались до 1933 г.

Казалось бы, вся деревня была заинтересована в снижении цен на промышленные товары, производимые монополиями. Но это было совсем не так. Представитель помещиков Стецкий был согласен с мнением Вежбицкого о том, что снижение цен на промышленные товары не является путем, ведущим к улучшению положения в «сельском хозяйстве» (читай: положения помещиков). Объединенный съезд председателей промышленно-торговых и сельскохозяйственных палат констатировал, что: «Восстановление покупательной способности сельского хозяйства не может произойти путем снижения цен на промышленные товары».

Объяснение этого внешне парадоксального явления мы находим в самой буржуазной прессе. Так, «Иллюстрованы курьер цодзенны» (орган польской промышленной буржуазии, сокращенно «ИКЦ». — *Ред.*) признает:

«Руководящие представители сельского хозяйства считаются не с интересами сельского хозяйства как единого целого, а с интересами владельцев сахарных заводов, то есть картеля сахарной промышленности, связанного с угольным картелем. Поэтому они не ведут борьбу против картелей»[1].

Часть помещиков была, следовательно, прямо заинтересована в высоких ценах на товары, производимые монополиями. Политика высоких цен на промышленные товары, проводимая картелями и поддерживаемая правительством, ударяла со всей силой по трудовому крестьянству, которое, продавая продукты своего хозяйства, ограблялось торговцами, диктовавшими цены и зачастую даже создававшими монополии (например, монополия оптовых продавцов мяса на варшавском рынке, пользовавшаяся поддержкой полиции и фашистской банды Локетка).

Помещики и крупные торговцы хлебом получали от государства высокие экспортные премии. Эти премии выплачивались за счет прямых и особенно косвенных налогов, бремя которых падало на трудящиеся массы. Кредиты под зерно получали также только помещики, поскольку минимальный размер залога под обеспечение кредита составлял 300 *т*. В 1934 г. на выдачу премий было израсходовано 208 млн. злотых, а в 1933 г. расходы на выдачу премий, как отметил премьер Козловский, превысили поступления от всех прямых налогов, взимаемых с крестьян.

В 1933—1934 гг. правительство ввело специальную 10%, так называемую интервенционную надбавку к земельному налогу, а также новый налог на убой скота в размере от 50 грошей до 2,5 злотых с головы скота. Буржуазные «экономисты», апологеты капиталистическо-помещичьих интересов, равно как и представители самого правительства, неоднократно указывали, что экспортные премии приводят к повышению цены хлеба на внутреннем рынке и, следовательно, уменьшают раствор «ножниц цен».

---

[1] „IKC". 31 marzeca 1934 r.

Это было очередным обманом.

Весной 1933 г. из Польши было вывезено (на основе применения указанных премий) 500 тыс. *т* зерна и муки. Цена 100 *кг* ржи на внутреннем рынке подскочила до 24 злотых. Это было выгодно помещикам и кулакам, так как благодаря своей экономической мощи, благодаря кредитам они могли придержать хлеб до весны. Но малоземельное крестьянство и даже часть середняцкого крестьянства не только не располагали товарным хлебом до нового урожая, но должны были даже покупать хлеб для личного потребления. Поэтому повышение цен на хлеб не было выгодно для подавляющей части крестьянства, а, наоборот, ударяло по его интересам, как и по интересам трудящихся масс города. Сразу же после сбора урожая, когда большинство крестьян, изнывавших от долгового и налогового бремени, бросало на рынок не только излишки, но и значительную часть хлеба, необходимого для личного потребления, биржевая цена на хлеб падала до 13—14 злотых, а на местных рынках до 6—8 злотых за 100 *кг*.

Вообще сохранение «ножниц цен» на сельскохозяйственные продукты в период, предшествовавший новому урожаю и после сбора урожая, было одним из основных звеньев фашистской сельскохозяйственной политики, направленной против интересов трудящихся масс. Политика «ножниц цен» между биржевыми котировками на хлеб и ценами хлеба на местных рынках также обеспечивала интересы помещиков, монополистических торговых организаций и фашистского государства. На биржах осуществлялись лишь крупные сделки (минимум на 15 *т*). Трудовые крестьяне не располагали таким количеством зерна. Государственные хлебозаготовительные предприятия покупали зерно по ценам, более высоким, чем местные рыночные цены, но они принимали только зерно первого класса, к которому относили зерно, поставляемое помещиками.

В 1933 г., например, в Красноставском уезде капиталисты-спекулянты платили крестьянину 6—8 злотых за 100 *кг* ржи, а продвали ее в г. Люблине государственным хлебозаготовительным предприятиям по 14—15 злотых. На основе буржуазных данных[1], крестьянин, продавая скот, получал за него 34,4% той цены, по которой этот скот позднее перепродавался. Остальную сумму делили между собой спекулянты-капиталисты, государство и так называемые органы местного самоуправления. Потребитель ничего не выгадывал, поскольку продажные цены включали различные «надбавки». Крестьянин продавал 1 *л* молока за 7 грошей, а рабочий в Варшаве должен был платить 35—40 грошей. Для осуществления операций по перекупке создавались целые «картели». Так, например, рыбный «картель» платил 20 грошей за 1 *кг* рыбы, а продавал в Варшаве по 1,5 злотого. Участие в этом грабеже принимали также кооперативы, руководимые помещиками и кулаками и являвшиеся приводным ремнем финансового капитала в деле эксплуатации крестьянских масс. Эта изощренная, санкционированная государством система эксплуатации вела к тому, что крестьянин получал у себя в деревне 10—12 грошей за 1 *кг* пшеницы, а потребитель в Варшаве за 1 *кг* белого хлеба платил 1 злотый. До 1914 г. цена 1 *кг* колбасы была на 50% выше цены 1 *кг* живого веса скота, а в 1933 г. на 300—500%.

Резко очерченный классовый, прокапиталистический курс государственной политики особенно ярко проявляется в области налогообложения и урегулирования долговых обязательств.

Для содержания огромного аппарата угнетения, осуществления военных приготовлений против СССР, для субсидирования крупных капиталистических монополий и помещиков государству необходимы были деньги, которые оно собирало, главным образом, с помощью налогового пресса. По подсчетам буржуазной газеты «Иллюстрованы курьер цодзенны», в Польше имелось 100 видов налоговых платежей. Косвенные налоги являлись главным средством выжимания огромных сумм, которые направлялись в значительной части в карманы монополистов и помещиков, а также на содержание аппарата угнетения и войны. В государственном бюджете на

---

[1] См. „Tygodnik Rolniczy“, 15 maja 1935; „Gazeta Polska“ 7 maja 1935.

1934—1935 гг. доходы от государственных монополий (соль, табак, спирт, спички) составляли 646 млн. злотых. Цены монопольных продуктов в период кризиса не были снижены (цена на соль даже поднялась в годы кризиса на 4%), что, несомненно, стимулировало монополистический капитал в деле поддержания высоких цен на товары картелированной промышленности.

Совершенно очевидно, что доходы от государственных монополий поступали главным образом из карманов трудящихся.

Прямые налоги составили в бюджете 1934—1935 гг. 525 млн. злотых. Эта сумма включала поступления от поземельного налога, к которому причислялись: 100-процентная надбавка для нужд самоуправления, 10-процентная уравнительная надбавка, 10-процентная надбавка на экспортные премии для помещиков, кулаков и крупных торговцев хлебом, надбавка на содержание сельскохозяйственных палат, обслуживающих интересы помещиков, и т. д. Закон о поземельном налоге (от 15 июня 1923 г.) предусматривал прогрессию поземельного налога (для хозяйств более 2 тыс. *га* — в размере 100%). Кулацкие партии превозносили этот закон как крупное социальное достижение. В действительности, как показывают данные Министерства финансов за 1927 г., дело обстояло как раз наоборот.

Хозяйства размером земельной площади до 5 *га* платили с 1 *га* в среднем 2,38 злотых поземельного налога, а крупные помещичьи латифундии, размером более 2 тыс. *га*, платили с 1 *га* 1,01 злотого. Хозяйства размером до 5 *га*, занимавшие 14% площади всех земельных угодий, уплачивали 28% всей взысканной суммы налога, а хозяйства размером свыше 2 тыс. *га*, на которые приходилась значительно большая часть общей площади земельных угодий (в том числе 12,5% пахотной земли), платили только 6,3% общей суммы налога. Следует учесть при этом, что финансовые органы весьма благосклонно относились к помещикам, крупным промышленникам, банкирам, картелям и сильно заботились об их хозяйственном «равновесии», но в отношении малоземельного крестьянина судебный исполнитель был всегда беспощадным. Кроме того, крупные капиталистические монополии использовали множество уловок для сокрытия фактических прибылей и доходов. Особенно отличались в этом отношении фирмы с участием иностранного капитала. Иностранная держательская компания получала, например, за границей заем из 4%, а контролируемому ею польскому предприятию предоставляла кредит из 20%. Ссудный процент включал скрытую прибыль, которая не облагалась налогом.

О размере этой скрытой прибыли свидетельствует следующий факт. Официально выплаченные иностранным концернам и вывезенные из страны дивиденды составили в 1928 г. 53 081 тыс. злотых, проценты же на предоставленные кредиты достигли 110 321 тыс. злотых.

Государственный фискальный аппарат и финансовая система обслуживали интересы монополий и помещиков.

Во-первых, фискальный аппарат и формально и на практике охранял наиболее значительные земельные владения и действовал в интересах крупнейших капиталистов. «Левиафан» с цинизмом обосновывал требование ликвидации налоговой задолженности предпринимателей тем, что задолженность, составляющая около 1 млрд. злотых, не может быть взыскана и является фикцией, которая, однако, «оказывает вредное психологическое влияние». Ясно, что к этим требованиям «Левиафана» относились с большим вниманием, и они легли в основу так называемого моратория, проведенного в законодательном порядке.

Во-вторых, государственная фискальная система изыскивала десятки способов для завинчивания налогового пресса в целях перекачки выжатых у трудящихся средств в карманы городских и сельских капиталистов. Крестьянин, кроме налогов, должен был платить около 60 различных сборов и штрафов (за въезд в город, за постой с повозкой на рынке и на улице, за пользование конюшней, за взвешивание товара, за убой скота, за санитарно-ветеринарное обслуживание, за отсутствие на повозке таблички с регистрационным номером, за неопрятное содержание номерной таблички, за стоянку в неположенном месте и т. п.). Оплата за постой на рынке и за убой скота составляла в годы кризиса в Лодзинском воеводстве 25—30% цены свиньи, в Келецком — 64,7% цены теленка. В Минско-Мазовецком уезде был случай, когда крестьянин, который вынужден был несколько раз приезжать в город в поисках купца, продал лошадь за 12 злотых 50 грошей, тогда как сумма выплаченных им сборов за въезд на рынок составила 10 злотых.

Фискальная система была поистине средневековой. Типичным пережитком средневековья было, например, такое явление, как сдача государством на откуп частным лицам права взимания некоторых налогов (например, дорожного налога в бывшей Галиции и в Тешинской Силезии).

Источником государственных доходов были также административные штрафы, налагаемые за нарушение санитарных правил, за участие в собраниях оппозиционных партий, за прозвище «господский лакей», данное сенатору. Если у крестьянина находили 70 *г* табачных листьев собственного производства, его приговаривали к 10-дневному аресту или штрафу в размере 1 тыс. злотых.

Государство в целях получения средств на субсидирование монополий и помещиков и на расширение аппарата угнетения экономило средства на ведение общественных работ, прибегая к бесплатной барщине в форме «шарварка» (дорожной повинности).

Демогогическое жонглирование понятиями «вся деревня», «все сельское хозяйство» ярко проявляется также в области государственной кредитной политики. Само собой разумеется, что самым выгодным, то есть самым дешевым, был долгосрочный кредит Государственного сельскохозяйственного банка, наименее выгодным — краткосрочный частный ростовщический кредит. Однако использование государственного кредита для малоземельных крестьян и середняков являлось весьма затруднительным. В хозяйствах малоземельных крестьян (до 5 *га*) на 1 *га* приходилось 16 злотых задолженности Государственному сельскохозяйственному банку, в то время как задолженность частным кредиторам составляла 154 злотых. В кулацких хозяйствах (с площадью 25—30 *га*) соотношение было обратное; задолженность Государственному сельскохозяйственному банку на 1 *га* составляла 149 злотых, а частным лицам — 64 злотых[1].

---

[1] „Przyczynki do poznania stosunków kredytowych wśród drobnej własności rolnej województw środkowych i wschodnich“, Warszawa, 1931.

Обычным явлением были случаи, когда кулак или помещик, пользующийся кредитом Государственного банка, передавал полученные взаймы деньги бедняку за высокий процент, выраставший в течение года до 180 и даже до 360%. Проценты на кредиты иногда оплачивались наличными, часто натурой, то есть продуктами, скотом, землей, но чаще всего работой (так называемые отработки).

Буржуазно-помещичья политика была рассчитана на поддержку незначительной прослойки сельских богатеев, являвшихся основными кредиторами в деревне и предоставлявших займы на кабальных условиях. Как писал исследователь кредитных отношений в польской деревне А. Брода, в деревнях Польши имелись группы крестьян-капиталистов, которые даже в период кризиса давали в кредит соседям значительные суммы. Опрос, проведенный Институтом общественного хозяйства в 1927—1928 гг. в 151 хозяйстве в центральных воеводствах, показал, что из 141 крестьянского хозяйства, обремененного долгами, 68,8% пользовались кулацким кредитом.

Так называемый закон об отсрочке платежей приносил пользу лишь помещикам и сельской буржуазии. Расходы, связанные с подачей просьб по вопросам задолженности, сводили на нет те незначительные выгоды, которые предусматривал этот закон для трудового крестьянства. Инструкция, предусматривавшая, что в случае неуплаты двух очередных взносов (1 апреля и 1 октября) вся сумма задолженности подлежала взысканию без конверсионных льгот, ударяла со всей силой по трудовому крестьянству.

О том, как изнывало обнищавшее трудовое крестьянство от бремени долгов и принудительных взысканий, свидетельствует подлинное письмо крестьянина, имевшего хозяйство в 5 *га* в Илжецком повяте:

«А тут дела идут все хуже и хуже — налоги, вместо того чтобы уменьшиться, стали еще больше. Раньше, к примеру, продашь яйцо за 10 грошей, а налог с морга[1] заплатишь один злотый, а теперь яйцо стоит 4 гроша, а налог — 80 грошей. Если случится, что и продать нечего, то квитанцию отсылают обратно и присылают извещение. И вот, хотя налог был в один злотый, по извещению надо платить уже полтора; насчитают еще какие-нибудь деньги по взысканию, и получается, что из одного злотого налога за два месяца сумеют сделать 3—4 злотых. Был и такой случай, что один имел налога два злотых, но его квитанцию отослали в гмину, из гмины — в повят. Оттуда ему уже пришло извещение об уплате 5 злотых с грошами. Бедняга должен был продать последнюю четверть ржи, хотя дети остались без хлеба. Но заплатить надо было; если бы он повременил с уплатой еще два месяца, то пришлось бы ему продать последнюю корову. Поэтому, как только приходит налог, бедняки, что только есть, вытаскивают из дома, последнюю даже подушку... а наволочку наполняют мякиной или соломой и кладут детям под голову, накрывают их какими-нибудь старыми лохмотьями, а лежанку и не застилают. Вот какие удобства имеют наши дети, а ведь такой ребенок должен вырасти в дельного поляка, крепкого и здорового гражданина страны. Пройдешь по нашей польской деревне и видишь, как выглядят дети бедных людей: оборванные, исхудалые, только через замазанные рубашонки видны вздутые животы от сухой картошки. В таких условиях они должны вырасти и стать настоящими людьми. Пишут: «дайте нам школы, так как наши дети учатся в очень плохих школьных помещениях и поэтому не вырастут дельными поляками и польками». Как они могут вырасти, если никогда не видят куска сахара, не оближут даже ножа после масла. Масло несут прямо из маслобойки в город, не показывая детям, чтобы они не плакали. А некоторые дети даже и хлеб получают в обрез, хотя и говорится, что у нас имеется избыток хлеба. Избыток хлеба имеется, потому что хлеб не едят и детям не дают. Я не говорю, что дети всех крестьян так живут. По большей части так живут безземельные и малоземельные крестьяне»[1].

---

[1] Морг — старинная земельная мера, равная приблизительно 0,56 *га*. — *Прим. ред.*

Если устремления имущих классов, законодательство государства, выступающего в их интересах, общее наступление на жизненный уровень трудящихся масс не всегда приносили ожидаемые капиталистами результаты, то это объясняется борьбой, которую вели трудящиеся массы в защиту своего жизненного уровня, за его повышение.

---

[1] „Pamiętniki chłopów". wyd. Instytutu Gospodarstwa Społecznego t. I, Warszawa, 1935, str. 277—778.

В задачу данной книги не входит изложение истории борьбы, которую рабочий класс и трудовое крестьянство вели в течение всего межвоенного двадцатилетия — как в период так называемой буржуазной «демократии», так и в период фашистской диктатуры — против фабрикантов и помещиков, монополий и синдикатов, против всего финансового капитала и его государства. Следует, однако, отметить, что многие атаки капитала были с успехом отбиты. Борьба трудящихся проводилась, несмотря на бешеный террор буржуазно-помещичьего государства, аппарат принуждения которого был всецело поставлен на службу имущим классам при любом конфликте с трудящимися.

Достаточно было телефонного звонка директора фабрики или владельца имения к начальнику полиции, чтобы направить дула полицейских винтовок против бастующих рабочих фабрики или сельскохозяйственных рабочих, ведущих экономическую борьбу, и увеличить число заключенных в тюрьмах.

Не только массовая политическая борьба рабочего класса и трудового крестьянства, но и любое выступление трудящихся масс с требованиями экономического характера — выступления против увольнения рабочих, против снижения заработной платы или за ее повышение — считались антигосударственной деятельностью и вызывали соответствующие репрессии.

Таким образом, капиталистические монополии и помещики по отношению к трудящимся массам использовали не только всю свою экономическую мощь, законодательство, истолковываемое администрацией и государственным судебным аппаратом в интересах капитала, но также и физическое воздействие государственного аппарата насилия (полиция, армия). Кроме того, имущие классы использовали и другое оружие: аппарат буржуазной пропаганды, стремящийся при помощи различных способов, разными путями оболванить народные массы, затемнить их сознание, завуалировать действительное положение вещей.

Для этой цели имущие классы использовали буржуазные и мелкобуржуазные партии, действовавшие в среде рабочего класса. Задача этих партий заключалась в том, чтобы затушевывать тесную связь между повседневной экономической борьбой и борьбой за свержение помещичье-капиталистического государства, за слом его аппарата, за власть; задача этих партий заключалась в том, чтобы сузить размах борьбы трудящихся, препятствовать перерастанию ее в борьбу революционную.

Эти задания выполняли как Польская социалистическая партия (ППС), руководство которой было захвачено правым крылом, так и кулацкие крестьянские партии.

Как ППС, так и «Стронництво людове» (партия, выражавшая интересы кулаков. — *Ред.*) добивались проведения определенных изменений в политике правительства, в методах управления, но они предостерегали трудящихся от нарушения «правопорядка» (буржуазного), объясняя это тем, что государство служит всему народу.

На брестском процессе депутат Либерман говорил:

«Неправда, что я подготавливал революцию, что хотел свергнуть правительство маршала Пилсудского».

Циолкош считал заслугой перед «государством» (буржуазным, фашистским государством) свою деятельность, направленную на борьбу с революционными настроениями масс, на распространение в массах убеждения в том, что избирательный бюллетень является единственно верным оружием:

«...когда толпа кричала, что надо покончить с правительством вилами и косами, я ответил, что можно действовать только лишь путем избирательного бюллетеня».

Недзялковский, выступавший в качестве свидетеля, открыто заявлял:

«Мы не хотели и не могли перейти к революционной борьбе».

Арцишевский объяснял, почему ППС должна выступать против диктатуры как формы правления (а не против буржуазной сущности правления):

«Существовала опасность, что среди рабочих укоренится стремление к установлению диктатуры и что они скажут: если есть диктатура буржуазии, пусть будет и диктатура пролетариата. Против этого мы и выступали».

ППС всегда настойчиво подчеркивала, что именно она является партией, стоящей на позиции законности, что именно она защищает законность (буржуазную законность). Один из руководителей партии «Стронництво людове», Ратай, говорил:

«Мы в течение долгих лет вдалбливали в головы крестьян, что только законным путем они смогут чего-либо добиться».

Сохранить в рабочих массах веру в надклассовый характер государства, в его законность — такова была главная задача руководства как ППС, так и партии «Стронництво людове».

Единственной партией, которая открыто говорила массам, что государство — это классовый институт, что буржуазно-помещичье государство, независимо от той или иной формы правления, от того или иного правительства, является орудием интересов и политики имущих классов, особенно финансового капитала, что буржуазно-помещичье государство является орудием эксплуатации и угнетения широких масс населения немногочисленной кучкой эксплуататоров, — была Коммунистическая партия Польши (КПП).

КПП указывала, что необходимо сочетать борьбу за реализацию повседневных экономических требований масс с политической борьбой, направленной против правительства, против всей системы буржуазно-помещичьего государства, что существует тесная связь между борьбой против капитала и борьбой против государства, которое является исполнительным органом этого капитала. КПП указывала на необходимость слома государственного аппарата и борьбы за власть.

В воззвании ЦК КПП, посвященном 1 мая 1934 г., говорится:

«Долой эксплуатацию и вымогательство капиталистов, помещиков и их правительства!», «Долой антирабочие законы!», «Долой ограбление трудового крестьянина и мелкого ремесленника капиталистами и правительством!», «Долой налоговый и ростовщический грабеж, долой грабеж картелированного капитала и сельскохозяйственных синдикатов!», «Ни гроша налогов фашистскому правительству и органам самоуправления!»... «Выход для нас, как и для трудящихся масс всего мира, один: покончить с капитализмом. Сегодня свержение капитализма — это уже не вопрос далекого идеала, туманных стремлений и надежд. Это вопрос сегодняшнего дня, это вопрос о хлебе, работе, свободе и достоинстве трудящегося человека, вопрос о будущем подрастающей молодежи.. . вопрос о жизни миллионов людей, которых капиталистический мир обрекает на голодную смерть, а нависшая над всем миром империалистическая война пошлет на смерть в клубах отравляющих газов». Каким путем может быть достигнуто свержение капитализма? «Пушки Дольфуса — Фейя, кровавых палачей австрийского пролетариата, топоры палачей и концентрационные лагери Гитлера, «пацификации» и тюремные застенки Пилсудского окончательно убедили рабочих всего мира в том, что иллюзорная вера в буржуазную демократию как путь к социализму была и остается основным препятствием в борьбе за свержение господства буржуазии».

«Только путь, которым в 1917 г. пошел пролетариат России, ведет к социализму». «Это путь вооруженного восстания рабочих, крестьян и солдат, это путь массовой революционной борьбы за рабоче-крестьянское правительство, за Польскую советскую республику».

«Руководители ППС и «Стронництво людове» тоже говорят «о рабоче-крестьянском» или «крестьянско-рабочем» правительстве, но убеждают вас любить современное буржуазное государство, а для рабочего и трудового крестьянства любить это буржуазное государство значит любить кнут, которым его хлещут».

ЦК КПП заявляет, что «первым актом Рабоче-крестьянского правительства... будет слом аппарата буржуазного государства и создание нового аппарата государственной власти».

И эта правда о классовом характере государства, с органами которого трудящиеся массы сталкивались все чаще и все ожесточеннее (усиление санкций фашистского чрезвычайного суда, уголовный кодекс 1932 г., концентрационный лагерь Береза Картузская, «пацификация» и т. д.), все глубже проникала в сознание масс.

IV

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА — ПОЛИТИКА КРУПНОГО МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Досентябрьское польское государство, представляя интересы капитализма в целом, особенно рьяно выполняло директивы крупного капитала. Эти директивы определяли политику не только по отношению к широким массам трудящихся, но также и по отношению к капиталистическим группам, не входящим в состав верхушки монополистического капитала.

Особенно яркое выражение это находило в политике поддержки крупнокапиталистических картелей, грабивших без зазрения совести трудящиеся массы и всю страну.

«Правительство не только не противодействовало созданию картелей и не ставило препятствий вступлению государственных предприятий в них, но само стремилось выступать в роли инициатора создания добровольных или принудительных картелей в ряде отраслей хозяйства»[1].

Буржуазный исследователь картелей в Польше А. Иванка приводит определение окружного суда от 1930 г. (еще до опубликования закона о картелях, то есть когда они, собственно говоря, не имели еще правовой основы), отклоняющее иск одной обойной фабрики, не входящей в картель, против картеля обойных предприятий, обвиненного указанной фабрикой в «деятельности, направленной против установившихся традиций»[2]. В определении суда говорится: «Картелирование является тенденцией, отвечающей развитию современной хозяйственной жизни». «Существование в Польше картелей преимущественно вызывается необходимостью, а не алчностью»; поскольку «существование синдикатов, трестов и картелей допускается государством, то должны также допускаться определенные способы борьбы фирм, объединенных в картели, с фирмами, не входящими в эти объединения»[1].

---

[1] S. Dziewulski, Zagadnienia Kartelizacji w Polsce, Poznań 1939, str. 7.

[2] „Przeciw dobrym obyczajom“.

Как указывалось в отчете Анкетной комиссии, созданной правительством в 1927 г., картели не стремятся к проведению мероприятий по рационализации промышленности; они оказывают содействие отсталым в техническом отношении предприятиям (т. IX, стр. 115) и в то же время притесняют предприятия слабые в финансовом отношении, но хорошо оснащенные технически (т. V, стр. 40—41), реализация продукции обременена значительными комиссионными расходами (в Силезском угольном концерне в размере 7,1%), имеется значительный разрыв между издержками производства и продажными ценами, розничная цена суперфосфата выше средних издержек производства на 57% (т. X, стр. 86). Комиссия отметила, что картели не занимаются улучшением условий труда (т. XI, стр. 177), что угольные концерны в Силезии, решая вопросы об эксплуатации или консервации тех или иных залежей, ограничивают производство (т. V, стр. 430) и что Союз суперфосфатной промышленности ограничивает производство в целях взвинчивания цен (т. X, стр. 76). Следует учесть, что все это имело место до наступления кризиса. Во время кризиса паразитическая роль монополий проявилась еще более выпукло. Тем не менее Анкетная комиссия выступила в защиту картелирования.

Дзевульский прямо заявлял:

«В Польше правительство, несомненно, проводит политику, соответствующую интересам картелей»[2].

Эта тенденция нашла свое отражение, в частности, в политике принудительного картелирования, направленного против мелких предприятий. Типичной иллюстрацией является история прядильного картеля.

---

[1] A. Iwanka, Zagadnienia kartelizacji w Polsce, Warszawa, 1931, str. 470.

[2] S. Dziewulski, Zagadnienia kartelizacji w Polsce, Poznań 1933, str. 470.

В прядильной промышленности существовал добровольный картель, который до 1931 г. объединял предприятия, обладающие 93,2% общего числа веретен. В 1931 г. о желании вступить в картель объявили предприятия, охватывавшие только 74% веретен. Количество аутсайдеров возросло с 6,8 до 26%, что создало угрозу для предприятий крупнейших лодзинских капиталистов («Шайблер и Громан», «И. К. Познанский», Видзевская мануфактура и т. д.).

В Польше существовало два типа так называемых комбинированных предприятий, то есть имеющих прядильные и ткацкие цехи. К первому типу относились крупные предприятия, в которых производственная мощность прядильных цехов соответствовала производственной мощности ткацких цехов. Ко второму типу относились мелкие предприятия, прядильни которых, работая в одну смену, не были в состоянии обеспечить ткацкие цехи достаточным количеством пряжи. Интересы этих двух типов предприятий были противоречивы. Мелкие предприятия были заинтересованы в работе прядильных цехов в две смены, так как только в этом случае они могли обеспечить свои ткацкие цехи пряжей для работы в одну смену. Но работа в две смены означала, как указывали крупные предприниматели, что издержки производства пряжи на данной фабрике примерно на 8—15 американских центов ниже по сравнению с пряжей, вырабатываемой фабрикой, работающей только в одну смену[1].

Такое положение крупная промышленность считала нездоровой конкуренцией, особенно в период кризиса, когда «149 тыс. веретен (то есть 11% производственной мощности прядильной промышленности. — *Л. Г.*) могут удовлетворить потребности Польши». Текстильные магнаты не хотели допустить такого положения, которое вызвало бы рост продукции, увеличение предложения товаров на рынке, а этим самым снижение цен. Как же эти магнаты могли принудить мелкие предприятия отказаться от работы в две смены? Для этого использовалось правительство — исполнитель воли крупного капитала. Крупные капиталисты-текстильщики обратились к правительству с просьбой вмешаться (когда это выгодно, крупный капитал охотно использует вмешательство правительства) и оказать содействие организации принудительного картеля. И на основании официального решения правительственного арбитра, которым являлся известный защитник интересов крупного капитала член наблюдательных советов крупнейших концернов Польши бывший министр промышленности и торговли Г. Гливиц, был создан принудительный прядильный картель под названием «Объединение производителей хлопчатобумажной пряжи», картель, являвшийся одновременно скрытым картелем ткацких предприятий.

---

[1] H. Tennenbaum, Struktura gospodartwa polskiego, t. II.

Предприятия, входившие в состав картеля, освобождались от уплаты пошлин на хлопок в рамках производственной квоты, предоставленной картелем.

Как указывает Г. Тенненбаум, крупные лодзинские предприятия рассматривали картелирование хлопчатопрядильных фабрик не как принудительный, а как добровольный процесс, так как «для крупных предприятий он (картель) является добровольным в том смысле, что их никто не вынуждал вступить в картель и что, только исходя из их пожеланий, правительство заставило мелкие предприятия присоединиться к картелю».

Роспуск в 1933 г. нескольких мелких картелей при сохранении крупнейших грабительских картелей, вроде Угольной конвенции или Синдиката польских металлургических заводов, был лишь тактическим маневром, предпринятым с целью умерить возмущение, вызванное деятельностью картелей.

Таможенная и экспортная политика, премии для фирм, осуществлявших бросовый экспорт, налоговая и кредитная политика и т. д. — все это ложилось тяжелым бременем и, несомненно, было направлено против интересов широких народных масс; эта политика была выгодна прежде всего для крупных монополий, причем она осуществлялась иногда за счет интересов мелкой и даже средней промышленности, но всегда в ущерб развитию польского народного хозяйства.

Доказательством этого является сохранение высоких цен на товары промышленных предприятий, объединенных в картели (даже в период кризиса), что, несомненно, влекло к дальнейшему сокращению потребления внутри страны. Об этом свидетельствует тот факт, что после трех лет тяжелого кризиса, то есть в декабре 1931 г., когда индекс цен на сельскохозяйственные товары (цены 1928 г. приняты за 100) составлял 53,3, а общий индекс цен на промышленные товары — около 88, индекс цен на товары картелированных предприятий составлял 107. Это означает, что, в то время когда цены на сельскохозяйственные продукты катастрофически падали и когда, хотя и менее быстро, происходило снижение цен на промышленные товары некартелированных предприятий, цены на товары картелированных предприятий, то есть на важнейшие товары (уголь, чугун, сталь, нефть, сахар и т. д.), не только не упали, но даже несколько поднялись. Таков был результат политики монополий, которым правительство оказывало поддержку.

Монополистический капитал твердо придерживался политики сохранения высоких монопольных цен, являвшихся источником огромной сверхприбыли. Эта политика защищалась ими при помощи разнообразной аргументации, причем трудно сказать, чему следует больше удивляться: цинизму этой аргументации, демагогии или плутовству капиталистов. Один из ведущих представителей «Левиафана», Рожер Баталья, с помощью ловких трюков пытался обосновать тот тезис, что снижение картельных цен представляло слишком большую жертву для картелей и в то же время принесло бы незначительную выгоду обществу, что отказ от демпинга позволил бы снизить цены на внутреннем рынке только на 13%. Снижение же картельных цен, указывал Баталья, могло привести к отливу иностранного капитала, так как иностранные капиталисты не захотели бы действовать в «неблагоприятной атмосфере».

«Разве вопрос о расширении и развитии социального обеспечения, — с цинизмом вопрошает Баталья, — ...о росте спроса на книги, об улучшении быта интеллигенции и т. п. может сравниться по важности с вопросом о необходимости поддержать существование (то есть прибыли) тяжелой промышленности»[1].

---

[1] R. Battaglia, Zagadnienie kartelizacji w Polsce (ceny, kartele), Warszawa, 1933.

Ясней не скажешь. Следует учесть, что эти слова были сказаны в такой стране, где даже в период относительного оживления (1928 г.) только 1 200 тыс. человек, то есть 8%, самодеятельного населения зарабатывало более 2 500 злотых в год (то есть более 200 злотых в месяц), а 2 900 человек (то есть 0,02% самодеятельного населения) — крупнейшие капиталисты, преимущественно представители тяжелой промышленности (о существовании которой так пекся Баталья), — получили более 60 тыс. злотых в год (то есть более 5 тыс. злотых в месяц). Доход этих 2 900 человек составлял 18,3% всего национального дохода (или в среднем на одного из них приходилось около 30 тыс. злотых дохода в месяц), а некоторые из них получали значительно более высокий доход. Одновременно, по данным Анкетной комиссии, относящимся к 1927 г., и по данным промышленной переписи, проведенной Главным статистическим управлением в 1928 г., 29,5% рабочих зарабатывало менее 100 злотых в месяц, и 62% рабочих — менее 150 злотых в месяц, в то время как прожиточный минимум рабочей семьи из 4 человек составлял в Варшаве 270 злотых. Поэтому неудивительно, что, например, при производстве 100 *кг* дрожжей прибыль капиталистов во всех ее формах составляла в 1929 г. 85 злотых (35% цены), а заработок рабочих, которые вырабатывали эти дрожжи, — 35 злотых (14% цены) [1].

Как писал председатель Великопольской сельскохозяйственной палаты, крупные помещики соглашались с участниками картелей в том, что «снижение цен на товары картелированной промышленности не имеет большого значения для сельского хозяйства», в том, что «для земледельцев (читай: помещиков. — *Л. Г.*) Великопольши понятие картеля и монополии не ограничивается углем, железом, солью, дрожжами, спиртом и т. п., а охватывает также, притом в еще большей степени, заработную плату, различные взносы на социальные мероприятия и рост задолженности» и, наконец, в том, что «самое большое зло заключается в косности нашего социального законодательства».

Главный совет помещичьих организаций утверждал, что «всякие начинания государства в отношении искусственного снижения цен на товары являются вредными и, следовательно, ненужными»[1].

---

[1] H. Kołodziejski, Wnioski z kryzysu, Warszawa, 1932.

Ясней не скажешь. Следует учесть, что эти слова были сказаны в такой стране, где семья крестьянина-бедняка расходовала на промышленные товары от 164 злотых 58 грошей (5 душ на 1,17 *га*) до 457,9 злотого (10 душ на 3 *га*)[2], то есть ежемесячно от 2 злотых 79 грошей до 3 злотых 80 грошей на душу; в такой стране, где за период с 1928/29 по 1933/34 г. потребление мяса, жиров, муки, одежды и обуви сократилось в три-четыре раза, а расходы на искусственные удобрения — в 10 раз; в такой стране, где сельскохозяйственный рабочий, малоземельный крестьянин и частично середняк не ел ни сахара, ни мяса, а хлеб — только осенью (в Жешувском воеводстве) и питался в основном картошкой, для варки которой (в целях экономии соли) несколько раз использовалась одна и та же соленая вода или вода, взятая из бочки для сельдей, полученной за работу у шинкаря; в такой стране, где зимой детей завязывали в мешки с соломой, чтобы они не мерзли (из-за отсутствия одежды) в нетопленой избе;[3] в такой стране, где 3/4 крестьянских детей болело туберкулезом и рахитом; в такой стране, где, как отмечало «Обозрение социального страхования» (официальный орган Института социального страхования. — *Ред.*), не лечат туберкулеза, венерических болезней, дифтерита, скарлатины, коклюша, а система здравоохранения даже в самых передовых воеводствах (Познанское, Поморское) стояла на уровне, достигнутом несколько десятков лет назад.

Взгляды финансового капитала разделяло, разумеется, и правительство, являвшееся поборником его интересов.

Закон 1920 г. о ростовщичестве в военное время, предусматривавший санкции за чрезмерное повышение цен, никогда не применялся по отношению к картелям. Более того, как заявил Баталья на секретном совещании правительства с представителями промышленно-торговых палат, состоявшемся 7 и 8 октября 1929 г., «ни одно повышение цен на сахар, уголь, железо, суперфосфат и нефтепродукты не было проведено в нашей стране без одобрения государства»[1].

---

[1] „Na marginesie dyskysji kartelowej“. “Gazeta Polska“, 14 pazdziernika 1932.

[2] Inglat, Budźety 6 gospodarstw wsi albigowej w powiecie łancuckim z r. 1925/26, Warszawa, 1927.

[3] I. Michałowski, Wieś nie ma pracy, Warszawa, 1935.

Впрочем, и само правительство сохраняло высокие цены на товары, являвшиеся государственной монополией (соль, спирт, спички, табак), что означало не только увеличение доходов государственной казны, в которых участвовал и монополистический капитал, но также и поощрение частнокапиталистических монополий к сохранению высоких цен на товары.

В то же время в области экспорта проводилась политика бросовых цен, которая привела к тому, что в 1932 г. розничная цена сахара составляла в Польше 160 злотых за 100 *кг*, а экспортная цена — 16 злотых, что в 1933 г. цена 1 *т* угля в стране (без фрахта) составляла 25 злотых, а экспортная цена — 10 злотых. Это означало, что уголь продавался за границей по цене ниже издержек производства примерно на 3 злотых, а разница покрывалась за счет исключительно высоких цен на внутреннем рынке. Следовательно, эту разницу покрывали из своих заработков трудящиеся массы Польши. Не удивительно, что потребление сахара и других товаров на душу населения в Польше было самым низким в Европе и в несколько раз отставало от душевого потребления в таких странах, как Англия, Соединенные Штаты, Дания, Чехословакия.

Государство охраняло «феодальные права» крупных монополий. Оно легализировало неограниченную власть картелей в отдельных отраслях промышленности. Если, например, компания по производству гвоздей и проволоки отказывалась вступить в члены картеля или если картель противился ее вступлению, то предприятия этой компании лишались сырья и ввиду этого должны были прекращать свою деятельность.

Государство легализировало такое положение, при котором вопреки хозяйственным интересам страны, вопреки интересам мелких производителей сахарной свеклы, вопреки закону 1925 г. о производстве сахара, на основе одобренного правительством частного соглашения членов сахарного картеля, в Польше был наложен запрет на ввод в строй новых и восстановление сахарных или рафинадных заводов, которые не работали в сезон 1928/29 г.

---

[1] Стенограмма совещания.

Низкие цены на сахарную свеклу были весьма выгодны для сахарозаводчиков. Они не приносили убытка и крупным помещикам, связанным с сахарными заводами[1] (помещики выигрывали от низких цен на сахарную свеклу как совладельцы сахарных заводов), но они ударяли со всей силой по так называемым «чистым» производителям, то есть мелким крестьянам, которые в конечном счете отказывались от выращивания сахарной свеклы.

Точно так же низкие цены на сырую нефть при высоких ценах на продукты нефтепереработки на внутреннем рынке были на руку только крупным нефтяным комбинатам (сочетавшим добычу и переработку нефти), входившим в синдикат, и ударяли по так называемым «чистым» производителям нефти, которыми являлись мелкие предприниматели-аутсайдеры, не входившие в синдикат.

Ярким примером привилегированного положения крупного капитала в металлопромышленности было наличие санкционированной государством двойственности цен на стальной прокат; существовала так называемая синдикатная цена на сталь, продаваемую синдикатом внешним покупателям, и цена на сталь, продаваемую участникам синдиката для удовлетворения их собственных нужд.

На этом примере стоит остановиться. Внешние потребители, не входившие в синдикат, получали стальной прокат по более высокой цене; предприятиям, являвшимся участниками синдиката, он продавался по более низким ценам.

В результате предприятия, объединенные в синдикат, продавали готовые изделия, например гвозди и тянутую проволоку, по цене, скалькулированной на основе наивысших цен, уплачиваемых «частными» предприятиями за стальной прокат, в то время как (об этом речь шла выше) они снабжались сырьем по более низким ценам.

---

[1] То есть помещикам, владевшим одновременно крупными плантациями сахарной свеклы и сахарными заводами.

Разумеется, более мелкие предприниматели не оставались в убытке, ибо основные издержки этих махинаций падали на потребителя, однако предприятие, входящее в состав металлургического синдиката, обеспечивало себе значительно большие барыши и соответственно увеличивало свою конкурентоспособность.

Под давлением металлосиндиката был создан синдикат гвоздей и тянутой проволоки. Но когда «частные» некартелированные предприятия этой же отрасли начали продавать изделия по более низким ценам, чем картелированные предприятия, приобретая сырье, то есть катаную проволоку, у мелких торговцев и представителей иностранных фирм, металлосиндикат предоставил монополию на продажу всей катаной проволоки синдикату гвоздей и тянутой проволоки, лишая тем самым мелкие предприятия возможности получения сырья от прежних поставщиков. Министерство промышленности и торговли, поддерживая интересы крупного капитала, подтвердило, что предприятия, не входящие в синдикат, не должны снабжаться катаной проволокой, то есть фактически санкционировало ликвидацию этих предприятий.

Аналогично складывались отношения между крупной металлопромышленностью и промышленностью изделий из оцинкованной жести (оцинкованных ведер и т. п.).

Были случаи, когда предприятие, входящее в картель, продавало готовые изделия из жести по более низким ценам, чем цены на сырье (листовой металл), заготавливаемое некартелированными предприятиями по производству жестяных изделий. Разумеется, что в этих условиях «частные» предприятия, не входившие в картель, не выдерживали конкуренции. И тогда картелированная металлопромышленность снова поднимала цены.

Вместе с тем государство предоставляло крупным компаниям экспортные премии и гарантии по кредитам иностранных банков. Союз между крупным капиталом и государством принял столь циничные формы, что совещание по вопросу правительственной гарантии по кредиту австрийского банка «Амстельбанк» для металлосиндиката состоялось в помещении партии ББВР (Беспартийный блок сотрудничества с правительством. — *Ред.*).

В период благоприятной конъюнктуры крупный монополистический капитал вытаскивал обветшавшую либеральную доктрину о благотворных результатах «хозяйственной свободы», о праве на неограниченные прибыли, о невмешательстве государства в свободную игру спроса и предложения.

Однако в период плохой конъюнктуры владельцы крупных промышленных предприятий считали, что государство призвано спасать «промышленность» (читай: прибыли капиталистов) от краха и экономической катастрофы. В эти периоды они добивались финансовой помощи государства, строительства предприятий за счет государственных средств (но в порядке частной инициативы и с последующей передачей их в частную собственность). Так, например, представители Угольной конвенции требовали в период кризиса, чтобы угольные шахты, владельцы которых уклонялись от картельного соглашения, не получали от Управления государственного железнодорожного транспорта товарных вагонов. Правительство полностью поддерживало наглые требования крупного капитала, доказательством чего является отношение правительства к вопросу о сохранении высоких цен. Так, например, вице-министр финансов в своем предисловии к работе Института исследования конъюнктуры цен под названием «Отчет об исследовании цен на сахар» [1] писал: «Закон спроса и предложения существует, но он должен действовать только в одном направлении — поддерживать цены выше уровня издержек производства; когда же он (закон) действует в обратном направлении, то становится беззаконием, с которым незамедлительно начинают вести борьбу все хозяйственные сферы».

Министерство финансов приняло на себя обязательство перед дрожжевым синдикатом не выдавать концессий на строительство новых дрожжевых заводов, взамен чего указанный синдикат обязался выплачивать каждый год определенную сумму правительственной партии на проведение политических кампаний.

Взаимоотношения между крупным капиталом и государством метко охарактеризовал апологет средних капиталистов Г. Тенненбаум: «Современные хозяйственные руководители понимают хозяйственную свободу в старом, а не в современном смысле»[1].

---

[1] „Sprawozdanie z badania ceny cukru“, wyd. Instytutu Badania Koninktur i Cen.

Для них свобода означает не ведение хозяйства без вмешательства государства. Она означает принадлежащее только «современным хозяйственным диктаторам (то есть крупному капиталу.— *Л. Г.*) право регулировать хозяйственную деятельность, то есть регламентировать производство и потребление с помощью законов и распоряжений, претворяемых государством в жизнь»[2].

Представители крупного капитала и находящиеся у них на службе публицисты и экономисты прикрывают наглое использование и подчинение государства крупными капиталистическими монополиями дымовой завесой пышных фраз.

Видный публицист периода санации Стпичиньский, жонглируя левыми фразами, проповедовал в своих статьях, что владелец каждого предприятия должен видеть цель своей жизни в умножении общественного богатства, а не в личном обогащении.

Широкое распространение получили также и фразы о том, что предприниматель, помимо своей основной цели, которой является прибыль, должен думать и о «служении обществу на хозяйственном поприще».

Станислав Ляутербах, представитель интересов среднего капитала и эпигон либерализма эпохи свободной конкуренции, писал: «Неоднократно можно было услышать заявления представителей угольных, металлургических, нефтяных, паровозостроительных, швейных, беконных, пухообрабатывающих предприятий, в которых собственно ничего не говорилось о получении прибылей от производства угля, железа, нефти, локомотивов, белья, бекона и пуховых изделий; в этих заявлениях отмечалось, что такие-то пожелания должны быть выполнены, ибо этого требует благо общественного хозяйства, благо польского государства»[3].

---

[1] Тенненбаум не понимает, что это и есть самая современная „свобода" периода кризиса капитализма.

[2] H. Tennenbaum, Struktura gospodarstwa polskiego, t. 1, str. 488.

[3] S. Lauterbach, Organizacja gospodarcza bez zbawienia Ojczyzny, Warszawa, 1934, str. 22.

И далее:

«В министерство финансов приходит крупный промышленник; его дела пошатнулись, и он просит предоставить ему кредит, так как его неплатежеспособность может подорвать доверие к Польше за границей. Другой требует кредита от государства, мотивируя это причинами социального порядка. Третий стремится получить государственную гарантию своих облигаций, которые он намеревается разместить на заграничных рынках (для того чтобы «включить польские ценные бумаги в международный финансовый оборот»). Четвертый просит предоставить ему кредит для экспортных операций во имя «блага страны», ибо хочет осуществлять «патриотический» экспорт (употребляя ироническое выражение одного видного ученого). Пятый во имя своеобразно понятых им «интересов казны» предлагает списать налоговую задолженность с тем, чтобы раз и навсегда покончить с нею. Шестой требует создания принудительного картеля для «оздоровления рынка» («нездоровый» рынок, то есть рынок, где господствует свободная конкуренция, угрожает ему неприятными потрясениями и даже самому его существованию). Седьмой предлагает правительству осуществить монополию импорта заокеанского сырья или провести крупную сделку, связанную с теми или иными финансовыми маневрами Государственного банка, якобы в интересах девизной политики, а в действительности в целях извлечения для себя определенной материальной выгоды. Восьмой, воодушевленный идеей развития производства отечественного сырья, предлагает правительственным органам ликвидировать своих конкурентов, работающих на заграничном сырье, и т. д. и т. п.

Ходатайства о реализации многочисленных требований такого рода поддерживали многие хозяйственные организации, доказывая, что речь идет об общественно-хозяйственном и государственном интересе.

При объективном же ознакомлении с вопросом все это зачастую оказывается неправдой»[1].

---

[1] S. Lauterbach, Organizacja gospodarcza bez zbawienia ojczyzny, Warszawa, 1934, str. 57—58.

В заключение Ляутербах добавляет иронически:

«Такими способами благородный, но оторванный от жизни идеализм стремится преобразовать предпринимателя в ангела, приобщить предпринимателя к социализму без обобществления его предприятия».

Вся эта лживая фразеология не может, однако, замаскировать действительные законы капиталистического хозяйства. Ибо, как отмечает далее Ляутербах:

«Нет таких отраслей частного предпринимательства, развитие которых давало бы право сказать, *что в частнохозяйственной деятельности превалирует общественный фактор. Везде и всегда действуют эгоистические интересы предпринимателя, стремящегося к получению прибыли, причем время от времени* эти прибыли извлекаются не только мирным путем, но и при помощи войн за нефть, уголь, сталь, или, иными словами, при помощи войн за обеспечение прибылей нефтяной, угольной или металлургической промышленности.

Прибыль предпринимателя является всегда и везде движущей силой хозяйства, опирающегося на частную собственность на средства производства. Совершенно нереальным является тезис о согласовании частнохозяйственной деятельности с общественными интересами; использование этого тезиса в хозяйственной политике государства принесло бы лишь вред» [1] (курсив мой. — *Л. Г.*).

Но буржуазное государство отнюдь не собиралось использовать этот тезис. Жонглирование псевдопатриотическими и лживыми фразами об общественных и национальных интересах было необходимо исключительно для сокрытия от широких масс той истины, что интересы крупного капитала противоречат общественным и национальным интересам и что государство стоит на страже интересов крупного капитала.

Открывая 1 ноября 1928 г. одно из многих совещаний представителей правительства с представителями крупных монополий, премьер-министр Бартель, считавшийся представителем «левого» крыла санации, заявил:

«Я позволил себе пригласить вас, господа, не для того, чтобы чего-то добиваться от вас, — я не собираюсь требовать от вас ни сахара, ни хлопка, ни угля, ни чего-либо другого, имеющегося у нашей промышленности. Я пригласил вас для того, чтобы выслушать ваше мнение о проводимой мною политике и моих намерениях на будущее»[1].

---

[1] S. Lauterbach, Organizacja gospodarcza bez zbawienia ojczyzny, Warszawa, 1934, str. 10—11.

На совещании в столь узком кругу можно было поговорить более свободно и откровенно. Здесь не скрывалось отношение государства к прибыли предпринимателя. Здесь полностью реализовалось положение Ляутербаха о том, что «государство должно требовать от предпринимателя, чтобы он получал как можно больше прибыли; чем больше прибыли он получит, тем лучше».

Анджей Вежбицкий (выступления которого уже приводились выше) в ответ на приветственное слово премьер-министра заявил: «Я хотел бы прежде всего признать без всяких оговорок, что *в истекшем году наши дела* (читай: крупных капиталистов. — *Л. Г.*) *шли значительно лучше, чем раньше»* (курсив мой. — *Л. Г.*).

Затем Вежбицкий отметил, что в дальнейшем «принцип рентабельности производства должен преобладать над всеми другими соображениями»[2].

Насколько значительными были прибыли капиталистов, свидетельствуют официальные данные Анкетной комиссии. По этим данным, чистая прибыль угольной промышленности в 1926 г. составила 15 млн. злотых, не считая фиктивных амортизационных отчислений в сумме 50 млн. злотых. Сахарная промышленность получила в 1925/26 г. прибыль в размере 17 800 тыс. злотых. Крупные сахарные заводы получили прибыль в размере 16,5% акционерного капитала, а текстильные предприятия — в размере 14—15%. Девять предприятий суперфосфатной промышленности получили в течение одного года 2 260 тыс. злотых чистой прибыли, а если учесть, что оценка товарных запасов была заниженной, прибыль фактически составила 6 млн. злотых.

Не следует при этом забывать, что, используя «тройную бухгалтерию», капиталисты утаивали значительную часть прибыли, проводя ее по таким статьям, как фиктивные проценты по займам, высокие единовременные вознаграждения, огромные тантьемы и оклады.

---

[1] „Rozmowy p. premiera Kazimierza Bartla z przemysłowcami“, Warszawa, 1928, str. 5

[2] Там же, стр. 13.

Фразы об общественных и национальных интересах, о «капиталистах-ангелах» имели целью замаскировать тот факт, что крупному капиталу, как цинично заявлял Вежбицкий, «живется все лучше и лучше».

В тридцатых годах перед лицом огромного возмущения масс, вызванного политикой крупных картелей, которая затрудняла даже временный выход из кризиса, санационное правительство, а в особенности его аппарат пропаганды, вынуждено было время от времени прибегать к «антикартельной фразеологии». В демагогических целях несколько мелких картелей было даже распущено (например, картель бумажных кульков); само собой разумеется, что крупнейшие монополии в угольной, металлургической, сахарной и других отраслях остались неприкосновенными.

В числе нескольких распущенных картелей был также один значительный картель — цементный. В связи с этим оказалась несколько приподнятой завеса, прикрывающая обычно махинации монополистических объединений.

Выяснилось, что цементный картель, связанный международными соглашениями с австрийской, немецкой, шведской, датской, латвийской, венгерской и румынской цементной промышленностью, получал от них сотни тысяч и миллионы злотых ежегодно за то, что не экспортировал в эти страны польский цемент. Не случайно поэтому экспорт цемента упал с 151 тыс. *т* в 1927 г. до 5 500 *т* в 1932 г. и нескольких сот тонн в 1933 г. Огражденный от заграничной конкуренции картель значительно поднял цены на внутреннем рынке, причем это произошло в период кризиса.

Сбыт цемента на внутреннем рынке катастрофически снизился (до 370 тыс. *т* в 1932 г., что составляло 13% производственной мощности цементных заводов). Весьма значительно сократилось душевое потребление цемента (с 33 *кг* в 1928 г. до 13 *кг* в 1932 г. и 10 *кг* в 1933 г.; среднее душевое потребление цемента во Франции составляло 200 *кг*).

За счет прибылей, полученных от реализации продукции на внутреннем рынке, а также за счет компенсации, получаемой из-за границы, картель выплачивал так называемые «простойные» предприятиям-участникам. Так, например, цементный завод «Лазы» за неиспользование своей производственной квоты, то есть за отказ от производства, за содействие увеличению безработицы, сокращению потребления, упадку народного хозяйства, получал, кроме единовременной компенсации, ежегодное вознаграждение, составившее за 1930—1932 гг. сумму в 1 281 967 злотых.

Ежегодный расход на содержание аппарата картеля (Центроцемент) составлял 2,5 млн. злотых.

Паразитический характер цементного картеля, политика которого противоречила основным интересам страны и была выгодна лишь для небольшой горстки монополистов, не была исключением. Еще в большей степени он был свойственен таким мощным монополиям, как угольный, металлургический, сахарный и другие картели.

Однако перед картельным судом предстал не угольный, не металлургический, не сахарный, не нефтяной, а цементный картель.

Как указывал генеральный директор цементного картеля, крупный капиталист Виктор Куттен, это произошло «не потому, что именно в этой отрасли промышленности действовали иначе, чем в других отраслях картелированной промышленности, не потому, что именно этот картель, и только он, угрожал общественному благу с точки зрения государственной хозяйственной политики, и не потому, что этот картель получал чрезмерные прибыли, а потому... что роспуск этого картеля... представлял наименьшую опасность с точки зрения государственных интересов» [1].

Куттен понимал, что роспуск нескольких картелей был необходим для успокоения возмущенных масс, он понимал также, что государству легче распустить цементный картель, менее мощный и с меньшим участием иностранного капитала (25%), чем, например, горнометаллургические картели. Но Куттен не хотел, чтобы деятельность цементного картеля считалась каким-то ненормальным явлением.

---

[1] W. Kutten, Rok bez kartelu w przemyśle cementowym, Warszawa, 1935.

Куттен понимал также, что роспуск картеля не означает изменений в отношении государства к картелям.

«Перед судом, — писал он, — находится цементный картель, который, защищая свою точку зрения и право на существование, действует не против правительства, не против мировоззрения существующего режима, а во имя этого мировоззрения».

Куттен объяснил поэтому картельному суду в своем выступлении 18 ноября 1933 г., что откуп производственной квоты, то есть выплата компенсации в размере валовой прибыли, которую дало бы действующее предприятие, плюс часть монополистической сверхприбыли, «является единственно приемлемым способом в капиталистическом государстве, признающем право собственности, как основное право, гарантированное конституцией».

Тем самым вопреки своему желанию Куттен разоблачает антикартельную демагогию правительственной «Газеты польской», находившей поддержку в правом крыле ППС [1], и доказывает, что в период империализма борьба с картелями и другими монополиями без борьбы с капитализмом, без борьбы с буржуазным государством является либо обманом, либо утопией.

Это признал, впрочем, и руководитель отдела по делам картелей Министерства промышленности и торговли Роман Пиотровский. «Чем же является конкурентная борьба, — писал он, — если не постоянным стремлением к устранению конкурентов, что в конечном счете приводит к господству на данном рынке? Защищая, следовательно, свободную конкуренцию, мы защищаем тем самым частные монополии, к созданию которых ведет конкуренция. Пока мы стоим на почве капиталистического строя, этот парадокс неизбежен»[1].

---

[1] Выступая в сейме в прениях по бюджету 8 февраля 1930 г., пэпэсовский „специалист“ по хозяйственным вопросам Г. Диамонд подчеркнул, что он „не является принципиально врагом картелей“. Он ссылался на немецких буржуазных ученых—проф. Шмоллера и проф. Шмалленбаха, которые утверждали, что „картелирование является началом социалистического переустройства государства“ и . . . „движением по пути, указанному Карлом Марксом“.

И поэтому депутат Диамонд, который неоднократно изображал „государственный капитализм“ и „объединенный капитализм“ путем к социализму, предлагает установить контроль правительства (буржуазного) над картелями.

Поэтому картельный суд не аннулировал международные соглашения «Центроцемента», а признал правильной политику картеля в этой области, указав в мотивировочной части решения: «Поскольку предприниматели, руководствуясь своими интересами, признали получение компенсаций из-за границы правильным, то надо полагать, что этим путем они получали более значительные выгоды по сравнению с теми, которые они могли бы получить, вывозя цемент»[2].

Здесь налицо официальное согласие с политикой примата капиталистической прибыли над интересами страны.

Говоря о принципе «хозяйственно оправданной» цены, то есть цены, базирующейся на минимальных издержках производства плюс прибыль, решение оставляет лазейку, предусматривая возможность отступления от этого принципа «по экономическим, общественным и политическим соображениям».

Решение, наконец, ясно признает государственные функции картелей.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и так называемые государственные предприятия были участниками картелей и тоже получали от них компенсацию за простой, то есть за прекращение производства.

В качестве классического примера можно привести договор между карбидным картелем и государственным азотным заводом в Хожуве. В карбидный картель входили три фирмы: акционерная компания «Электро» (68% продукции картеля), акционерные компании «Карбид великопольский» (20%) и «Электричество» (12%). Польский картель входил в международный картель, охватывавший 25 предприятий в Европе.

Кроме предприятий, входивших в картель, единственным производителем карбида в Польше был завод в Хожуве, располагавший 6 карбидными печами, производственная мощность которых в несколько раз превышала производственную мощность заводов, объединенных в картель. Один Хожувский завод, работая шесть дней в месяц, мог удовлетворить весь внутренний спрос на карбид. Акционерная компания «Электро», фактически распоряжавшаяся деятельностью картеля и являвшаяся членом международного картеля с экспортной квотой в 10 500 *т*, в 1928 г. заключила по согласованию с международным картелем договор с Хожувским заводом (измененный в 1929 и 1932 гг.). В соответствии с этим договором Хожувский завод отказался от продажи карбида внутри страны и за границей, взяв на себя обязательство ограничить производство уровнем, необходимым для собственного потребления. Взамен Хожувскому заводу ежегодно предоставлялась компенсация в размере 1 млн. злотых. В 1932 г. условия договора были изменены таким образом, что выплата компенсации была поставлена в зависимость от фактической реализации продукции и цен на карбид. Размер компенсации равнялся сумме, полученной от умножения половины количества проданного картелем карбида на разницу между картельной ценой и суммой в 300 злотых, принятой в качестве издержек производства тонны карбида, производимого фирмой «Электро».

---

[1] Roman Piotrowski, Sprawa kartelu karbidowego, studium z dziedziny polskiego prawa kartelowego, Warszawa, 1934.

[2] Решение картельного суда по делу № C.I/33.

Разумеется, Хожувский завод и его руководители, а тем самым и государство были заинтересованы в том, чтобы эта разница была как можно большей, то есть в том, чтобы цена карбида была как можно более высокой.

Непосредственным результатом ухода Хожувского завода с рынка и приобретения картелем, а фактически фирмой «Электро» монопольного положения было повышение цены на карбид с 450 злотых за 1 *т* до 620 злотых и впоследствии до 730 злотых. Таким образом, продажная цена на карбид на внутреннем рынке превысила издержки производства в 2,5 раза.

В 1932 г., после изменения договора, Хожувский завод получил компенсацию в размере 1,3 млн. злотых, в то время как его прибыль от производства карбида составляла ранее 876 тыс. злотых. Ничего не производя, завод сорвал еще больший куш. За весь период (с 1 июля 1926 г. по 1 октября 1933 г.) Хожувский завод получил в виде компенсации 6,5 млн. злотых. Для фирмы «Электро» это, однако, не было убытком, так как ее прибыль за тот же период составила 11 632 690 злотых. Фирма «Электро» выгадывала вдвойне: во-первых, как монополист благодаря высоким монопольным ценам в стране и, во-вторых, благодаря получению компенсации от международного картеля за недоиспользование выделенной ей экспортной квоты в размере 10 500 *т*. Поэтому компания «Электро» экспортировала все меньше и меньше карбида: в 1931 г. было вывезено вместо 10 500 *т* — 4 091 *т*, а в 1932 г. — 3 523 *т*. Одновременно в результате кризиса упал сбыт и на внутреннем рынке (с 12 918 *т* в 1929 г. до 6 196 *т* в 1932 г.).

Таким образом, государственное предприятие было участником обычного частномонополистического картеля, политика которого означала ограничение производства, сбыта и потребления, высокие цены и прибыли, безработицу, систематическую недогрузку преобладающей части производственного аппарата, экономический упадок. Это ли не яркая иллюстрация паразитического характера империализма и роли государственно-монополистического капитализма в период общего кризиса капитализма?

Однако и после расторжения договора между Хожувским заводом и картелем ввиду катастрофического падения потребления азотных удобрений (с 137 617 *т* в 1929 г. до 27 135 *т* в 1932/33 г.) и необходимости пуска Хожувским заводом карбидных печей, последний, используя сложившееся положение, сохранил цену на уровне 560 злотых за тонну, предоставляя, таким образом, фирме «Электро» возможность реализовать продукцию по ценам, превышающим издержки производства почти вдвое.

Санация пыталась сколотить политический капитал, изображая расторжение договора между Хожувским заводом и фирмой «Электро» мероприятием, направленным против картелей.

Однако главная цель тех нескольких дел, которые были переданы на рассмотрение картельного суда, заключалась в доказательстве того, что «правосудие рассматривает вопрос о существовании и деятельности картелей объективно и беспристрастно» [1].

---

[1] Adam Demel Szczygielski, Polska ustawa kartelowa w świetle wyroku sądu kartelowego, Warszawa, 1939.

Крупный монополистический капитал, разумеется, отдавал себе отчет в том, что «антикартельные» мероприятия не угрожают непосредственно его позициям, он опасался, однако, вредного воздействия этих мероприятий («пропаганды») на сознание масс, углубления антикапиталистических взглядов масс.

В отчете Союза польской горно-металлургической промышленности за 1937 г. говорится: «Всякую хозяйственную деятельность, движущей силой которой всегда было и остается стремление к получению прибыли, пытаются подчинить туманному понятию «общественной пользы»; пытаются руководить хозяйственной деятельностью на основе неполноценных и субъективных критериев, связанных с этим понятием».

Одно время «Левиафан» не позволял даже оперировать псевдоантикапиталистической фразеологией, считая ее опасной и усматривая единственное средство устранения недовольства масс в усилении полицейско-судебного террора. «Левиафан» мог, разумеется, вполне рассчитывать на послушных исполнителей своей воли — на правительство и его государственный аппарат.

Интересы и воля капиталистических монополий определяли не только хозяйственную, общественную и культурную политику государства. Они имели решающее влияние также и на внешнюю политику. Ведь лишь во имя интересов монополий и помещиков Пилсудский толкнул Польшу в «киевский поход», цель которого заключалась не только в возвращении помещикам огромных латифундий, а капиталистам вложенных капиталов, но и в обеспечении колониальных рынков сбыта и эксплуатации. Антисоветская политика и связанная с нею прогитлеровская политика досентябрьских правительств была выражением интересов финансовой олигархии, ее ненависти к социализму, ее мечтаний о возврате Краматорских заводов, откуда Октябрьская революция вышибла польских капиталистов вместе с их русскими компаньонами.

Все это показывает, почему военная клика играла огромную роль в досентябрьской Польше, а военные расходы имели значительный удельный вес в польском государственном бюджете и почему в то же время Польша оказалась полностью беззащитной в отношении ее действительного врага — немецкого империализма.

V

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА — ПОЛИТИКА ПОЛЬСКИХ И ИНОСТРАННЫХ МОНОПОЛИЙ

Специфической особенностью польского капитализма была преобладающая роль иностранного капитала в основных отраслях хозяйства. Следовательно, польское государство, обслуживая интересы крупных польских капиталистических монополий, обслуживало одновременно интересы иностранных концернов и трестов, помогая им грабить трудящиеся массы Польши, всю страну.

Доля иностранного капитала в капитале польских акционерных компаний возрастала из года в год. Если в 1929 г. эта доля составляла 33,3% совокупного капитала всех польских акционерных компаний, то уже в 1933 г. она составила 44,2%. Фактически, однако, влияние иностранного капитала было значительно более сильным. Весь капитал польских акционерных компаний, в которых участвовал иностранный капитал, составлял 2 897 млн. злотых. 95% этих компаний находилось под контролем иностранного капитала. Поэтому в действительности под контролем иностранного капитала находились акционерные компании с капиталом в 2 750 млн. злотых (66% совокупного капитала всех польских акционерных компаний, составлявшего 4 180 млн. злотых). Следует при этом учесть, что иностранный капитал контролировал крупнейшие предприятия. В среднем собственный капитал акционерной компании с участием иностранного капитала составлял 6 217 тыс. злотых, в то время как на одну акционерную компанию, в которой не участвовал иностранный капитал, приходилось в среднем 1 688 тыс. злотых.

Но это не все. Кроме польских компаний с участием иностранного капитала, в Польше действовали филиалы иностранных предприятий. Их совокупный капитал равнялся 306 млн. злотых. Доля иностранного капитала в совокупном акционерном капитале Польши составляла 48%, однако фактически под его контролем было 68% всего акционерного капитала. Иностранный капитал держал в своих руках 90% акций крупнейших промышленных предприятий, каждое из которых обладало капиталом свыше 5 млн. злотых. В нефтяной промышленности доля иностранного капитала составляла 87,6% в горнометаллургической — 84,4, в предприятиях коммунального обслуживания (газовая промышленность, водоснабжение, электроэнергетика) — 77,2, в химической промышленности — 57,7%.

В Верхней Силезии господствовал немецкий капитал (исключая концерн «Вспульнота интересув»), который имел в компании «Баильдонсталь» 85% акций, в «Гута Покуй» — 75% и т. д. В нефтяной промышленности и в угольной промышленности Домбровского бассейна господствовал французский капитал. Как в металлургической, так и в нефтяной промышленности были весьма значительны позиции американского капитала. В химической и текстильной промышленности орудовал английский капитал. Американский, немецкий, английский, французский, бельгийский, швейцарский, голландский, австрийский, итальянский капитал проникал во все отрасли промышленности.

Кроме того, иностранный капитал (в размере 205 млн. злотых) участвовал в различных неакционерных компаниях, а также играл решающую роль в польской банковской системе.

Приведенные выше данные не отражают, однако, в достаточной степени ту роль, которую играл в хозяйственной жизни Польши иностранный капитал. Иностранный капитал, располагая половиной или даже одной четвертью пакета акций данного предприятия, фактически господствовал в нем. Акции польских вкладчиков находились обычно в руках многочисленных разрозненных владельцев. Зато иностранный капитал выступал единой массой, представляя обычно, скрыто или явно, интересы какого-нибудь иностранного концерна. Иностранные капиталисты могли иметь незначительное количество акций, но осуществляли управление акционерными компаниями на основе тайных соглашений, оговаривающих право решающего голоса иностранных вкладчиков. Так, например, французско-бельгийская компания «Буссак» имела в Жирардувской фабрике всего лишь 12,5% акций, но, несмотря на это, безраздельно владела фабрикой.

Влияние иностранного капитала определялось не только владением акциями.

Иностранные капиталисты были также кредиторами польских промышленных предприятий. Большинство иностранных кредитов предоставлялось тем предприятиям, которые принадлежали иностранным капиталистам, причем кредиторами были иностранные акционеры этих предприятий.

Когда акционером и кредитором является одно и то же лицо, различие между кредитом и участием имеет лишь формальное, бухгалтерское значение.

Иностранный капитал почти не создавал в Польше новых предприятий, а скупал уже существующие. Из статистических данных об эмиссии акций за 1930 г. видно, что иностранные вложения в акции вновь основанных компаний составляли около 11 млн. злотых, а в акции ранее существовавших компаний — 94 млн. злотых. Следовательно, не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной роли иностранного капитала в индустриализации и экономическом развитии Польши. Финансовый капитал направлялся только лишь в такие отрасли, где он ничем не рисковал и где ему гарантировался доход.

Каковы же были результаты захвата польской промышленности иностранным капиталом?

Прибыли предприятий, которые принадлежали иностранному капиталу, направлялись в распоряжение владельцев, находившихся за границей. Это касалось в одинаковой мере как той части прибылей, которую владельцы употребляли на свои личные расходы, так и той части, которую они снова вкладывали в производство. Даже когда иностранный предприниматель оставлял на некоторое время часть прибылей в Польше, то это означало лишь отсрочку, а не устранение ущерба, наносимого стране. Остающаяся в Польше часть прибылей иностранного капитала использовалась на скупку польских предприятий, на устранение конкуренции, на увеличение прибыльности контролируемых иностранными капиталистами предприятий. Перевод прибылей из Польши за границу становился со временем все более интенсивным. Чем более преуспевали контролируемые иностранным капиталом предприятия, тем более крупные прибыли перекачивались за границу. Следовательно, имелось серьезное противоречие между интересами иностранных капиталистов и интересами Польши. В интересах Польши было накопление материальных благ, увеличение продукции, рост потребления, активный платежный баланс. В интересах иностранных владельцев была лишь эксплуатация Польши. Но иностранный капитал был тесно связан с польскими капиталистами и помещиками, с буржуазно-помещичьими правительствами Польши; он обеспечивал им объедки с господского стола.

Отрицательные последствия захвата польской промышленности иностранным капиталом проявлялись также в том, что центры управления польской промышленностью находились за границей. Там и решали все вопросы хозяйственной, финансовой политики.

Иностранная держательская компания, получая за границей ссуду из 4% годовых, предоставляла деньги в кредит контролируемому ею польскому предприятию из 12%. В проценты на заемный капитал была включена скрытая прибыль, которая не облагалась налогом, — тем самым наносился ущерб государственной казне. Этим путем лишь в 1929 г. утекло за границу 110,3 млн. злотых. Сумма кредитов, предоставленных французскими капиталистами отдельным польским предприятиям, составила (на 31 декабря) в 1929 г. 148,8 млн. злотых, а проценты от этих кредитов достигли в том же году 28,9 млн. злотых, что составляет около 20% суммы кредитов. В 1928 г. выплаченные иностранным концернам и вывезенные из страны дивиденды официально оценивались в сумме 53 081 тыс. злотых, а проценты на предоставленные кредиты выражались в сумме 110 321 тыс. злотых.

Санационный журналист Вжос образно описывает то значение, которое имела для польского хозяйства искусственно создаваемая задолженность польских предприятий заграничным кредиторам:

«На одной из наиболее оживленных катовицких улиц, на улице маршала Пилсудского, стоит тяжелое, многоэтажное серое здание, на фронтоне которого виднеется надпись: «Дейче банк». Перед этим зданием стоит польский полицейский, который охраняет порядок и регулирует движение. Этот полицейский первым поднес бы ко рту свисток или схватился бы за оружие, если бы немецкому банку стала угрожать опасность.

Но подумайте, какая возникла бы паника, если бы в один прекрасный день польский полицейский вошел в здание «Дейче банк» в Катовицах для того, чтобы установить там охрану. «Дейче банк» кредитует верхнесилезскую промышленность. Задолженность верхнесилезской промышленности крупным немецким так называемым «Д-банкам» составляет более 400 млн. злотых. Мало отрадного в том, что только 10% этой задолженности падает на долгосрочные кредиты. Известно, что проценты на краткосрочные кредиты более высоки, чем на долгосрочные, колеблясь в пределах 7—12%.

Это говорит о том, каков размер суммы процентов на предоставленный кредит, которая перекачивается за границу. Эта сумма составляет около 20 млн. злотых. Теперь мы знаем, насколько задолженность удорожает продукцию. Проценты, уплачиваемые по долгам, несомненно, увеличивают издержки по добыче угля».

«Посвященные утверждают, что огромную роль в увеличении задолженности предприятий сыграли финансовые операции, совершаемые руководителями этих предприятий. Так, например, ценные бумаги зачастую приобретались вопреки воле правлений предприятий, по указанию находящегося в Берлине банкира верхнесилезской промышленности. Вместе с тем говорят, что эти ценные бумаги (несмотря на то, что предприятия обременены выплатой соответствующих сумм) отнюдь не находятся в распоряжении предприятий, а размещены за границей. Стоимость этих ценных бумаг, повидимому, составляет несколько миллионов долларов».

«Издержки производства при добыче угля составляют от 10 до 16 злотых на 1 *т*. Однако в результате оплаты процентов по займам, заключенным промышленниками, в результате финансовых операций и необходимости оказывать поддержку обществам, находящимся за границей, розничная цена тонны угля составляет 64 злотых»[1].

Иностранные компании, которые «держали» в своих сейфах акции польских предприятий, «держали» одновременно акции предприятий других стран. Эти компании, учитывая свои интересы в различных странах и руководствуясь как своими хозяйственными, так и политическими соображениями, принимали решения о сокращении или увеличении производства в той или иной стране.

По приказу из Нью-Йорка, Парижа, Лондона и Берлина в Польше закрывались фабрики и заводы, выбрасывались на улицу рабочие, ограничивалось производство.

«В настоящих условиях акции, особенно акции предприятий в странах, нуждающихся в капиталах, приобретаются консорциумами, целью которых не всегда является получение прибыли от предприятия, находящегося на территории данной страны. Эти консорциумы стремятся главным образом к завоеванию решающего влияния на руководство данного предприятия. Эти факты могут таить в себе серьезную опасность для хозяйства данной страны. Если консорциум, который приобрел акции, инвестировал уже где-либо значительно большие капиталы в аналогичную отрасль производства, а предприятие, в котором он приобрел решающее участие, является, благодаря своему географическому положению или в силу других объективных условий производства, конкурентом других предприятий, контролируемых консорциумом, приобретение последним контрольного пакета акций может решить вопрос о дальнейшей работе или даже о самом существовании данного предприятия»[2].

В период экономического кризиса падение производства в Польше было самым значительным по сравнению с другими капиталистическими странами. Индекс производства составил в 1933 г. 55 (1929 г. = 100).

На Западе в период наступившей после кризиса депрессии постепенно создавалось изобилие денежной массы при резком сокращении объема производства и обращения. Это было результатом постепенного накопления ссудного капитала, изъятого в период кризиса из оборота и устремившегося на поиски нового поля приложения.

---

[1] Konrad Wrzos, Oko w oko z kryzysem, Warszawa, 1933, str. 94—96, 106.

[2] Włodzimierz Zbrowski, Kapitał zagraniczny a kapitalizacja wewnętrzna, Warszawa, 1933, str. 23.

В Польше, напротив, в тот же период в результате отлива капиталов за границу вклады в акционерных банках не росли, а сокращались; облигации внутреннего государственного займа, которые за границей размещались в течение часа, в Польше приходилось реализовать принудительным путем среди наиболее низко оплачиваемых рабочих и служащих.

Росту прибылей и доходов с капиталов, размещенных в Польше иностранными капиталистами, способствовало также освобождение этих капиталов от налогов.

Любимчиком санационного польского правительства был, в частности, небезызвестный магнат и финансовый спекулянт, один из заправил Уолл-стрита, горячий покровитель немецкого капитала и, конечно, враг новой Польши, Аверелл Гарриман, ныне помощник Трумэна. Впервые группа Гарримана заинтересовалась Польшей в 1926 г. Тогда одна из гарримановских фирм, «Анаконда», вместе с немецкой компанией «Гише», совладельцем польского цинкового завода, основала компанию под названием «Силезиен америкэн корпорейшн». Американо-немецкая держательская компания, хозяином которой была фирма «Анаконда», то есть группа Гарримана, приобрела все 172 акции (по 1 млн. злотых) мощного польского концерна, в состав которого входили: 2 угольные шахты, 2 свинцово-цинковых рудника, предприятие по производству окиси цинка, несколько свинцовых и цинковых заводов, предприятие по производству электролитического цинка, сернокислотный и цинкопрокатный (производство листа и проволоки) заводы. Таким образом, американо-немецкая компания стала фактически монопольным производителем цинка в Польше. В состав наблюдательного совета компании «Гише» вошли три американца (Гарриман, Росси, Келли), три немца и в качестве ширмы председатель «Левиафана» Анджей Вежбицкий.

Фирме «Гише», а тем самым Гарриману принадлежал также весь пакет акций химического завода «Карл

Шафф и К°», 87% акций бельгийского «Горно-промышленного акционерного общества», 69% акций Компании фарфоровых изделий.

За «милость», оказанную Польше, за все свои оставшиеся невыполненными обещания Гарриман был официально освобожден от уплаты недоимки по имущественному налогу, то есть получил от польского правительства подарок в размере 28 млн. злотых. Вместе с тем польское правительство гарантировало ему возврат импортных пошлин с цинковой и свинцовой руд, а также экспортных пошлин с цинка, свинца и изделий из них в случае введения этих пошлин в будущем. Эти привилегии иностранному капиталу наносили ущерб польской промышленности. Это была система привилегий, «подобная которой, — как указывал проф. Г. Тенненбаум, — предоставлялась иностранному капиталу только в Турции»[1].

В течение последующих нескольких лет Гарриман путем различных финансовых махинаций прибрал к рукам значительную часть горно-металлургической промышленности Верхней Силезии. Постепенно он поставил под свой контроль деятельность металлургических компаний «Силезия», «Бисмарк», «Катовицкое акционерное общество», «Объединенные металлургические заводы — Гуты Крулевска и Лаура» и в конечном счете обеспечил создание крупного монополистического объединения «Вспульнота интересув» (полное название: «Общность интересов горно-металлургических акционерных компаний». — *Ред.*). Так Гарриман стал в Польше некоронованным королем угля, железа и цинка, подобно тому как в Америке — королем железных дорог. Вновь созданный концерн контролировал около 50% выплавки стали и 20% добычи угля в Польше. На предприятиях концерна было занято 45 тыс. рабочих и служащих, его собственный капитал составил 260 млн. злотых, заемный — 54 млн. злотых. Преобладающая часть акций концерна находилась в руках американо-немецкой держательской компании «Консолидейтед Силезиан стил корпорейшн». Приобретение впоследствии польским правительством большей части акций «Вспульнота интересув» в основном не изменило положения.

---

[1] H. Tennenbaum, Struktura gospodarstwa narodowego, t. I, str. 501.

Членами наблюдательных советов американо-немецких компаний были преимущественно американцы, например Гарриман и его заместитель Ирвинг Росси, а также немцы с небезызвестным Фликом и Яковом Гольдшмидтом во главе. Для видимости в состав советов включались также польские агенты американо-немецкого капитала, являвшиеся одновременно представителями польского финансового капитала и крупных землевладельцев (князь Януш Радзивилл, вице-маршал сената Ипполит Гливиц, председатель «Левиафана» Анджей Вежбицкий).

Так, например, управление крупнейшим горно-металлургическим концерном в Польше, решавшим судьбы угольной и металлургической промышленности, а тем самым и судьбы всего хозяйства страны, было сосредоточено в руках следующих лиц:

1) Генрих фон Штейн, банкир из Кельна;
2) Яков Гольдшмидт, банкир из Берлина;
3) Г. Гутман, банкир из Берлина;
4) Аверелл Гарриман из Нью-Йорка;
5) Ирвинг Росси, представитель Гарримана в Европе;
6) Евгений Любович из Парижа;
7) Флик из Берлина;
8) Фриц Вайнман из Берлина;
9) Пауль фон Швабах из Берлина;
10) тайный советник Виллингер из Катовиц.

В состав управления этим концерном входили также хорошо оплачиваемые агенты, являвшиеся вместе с тем представителями польского капитала: князь Януш Радзивилл, Юзеф Жихлинский, видные экономисты Ипполит Гливиц и Антоний Венявский (члены наблюдательного совета Торгового банка, крупнейшего частного банка в Польше, пайщиком которого также состоял Гарриман).

Подобное положение было и в других отраслях промышленности.

Нефтяная промышленность почти полностью находилась в руках французских, бельгийских, английских и других иностранных компаний.

В руках бельгийских, английских и французских компаний находились электростанции; швейцарско-немецкие компании контролировали лако-красочную промышленность, играющую большую роль в военном производстве.

Здесь нет возможности всесторонне рассмотреть вопрос о степени захвата экономики Польши иностранным капиталом. Необходимо, однако, подчеркнуть, что иностранные компании, действовавшие в Польше, преследовали две основные цели:

1) содействовать эксплуатации польского рынка в интересах иностранного капитала;

2) препятствовать созданию и развитию в Польше отечественной промышленности, которая смогла бы оказаться конкурентом не только на польском, но также и на заграничном рынках.

Иностранные держательские компании не удовлетворялись достаточно высоким обычно уровнем дивиденда. Они извлекали дополнительные прибыли в виде искусственно завышенных процентов от займов. Они обязывали польские предприятия, находившиеся под их контролем, выплачивать крупные средства за использование патентов, за техническую помощь, за кредитные гарантии и даже за обещание предоставить кредит. Так, например, Жирардувская фабрика, где производство базировалось на общеизвестной и не составлявшей какого-либо секрета технологии, выплачивала контролирующей держательской компании за «техническую помощь». Это мощное предприятие несло также крупные расходы в связи с кредитной гарантией, предоставленной контролирующей компанией поставщикам сырья.

Филиалы иностранных компаний не экспортировали свою продукцию, ограничивали производство, усугубляя тем самым техническую отсталость страны. Они завозили необходимые для производства товары из своих центров и боролись с местными предприятиями, затрудняя, в частности, снабжение их сырьем. Вместе с тем, являясь распорядителями крупнейших польских картелей и синдикатов, они извлекали крупные прибыли, поддерживая высокие цены на внутреннем рынке, что ударяло по широким массам потребителей.

Вложения иностранного капитала в собственный капитал польских предприятий и сумма кредитов, полученных этими предприятиями за границей, составили на 1 января 1932 г. 5 095 млн. злотых. От этих вложений и кредитов иностранный монополистический капитал получил в 1931 г. 507,7 млн. злотых в виде прибылей, процентов, выплат за использование патентов, за технические и торговые «советы», а также по многим другим, нередко фиктивным статьям[1]. За 9 лет (1924—1932 гг.) платежи Польши иностранным капиталистам составили 3,5 млрд. злотых.

Приток иностранного капитала приводил не к росту капиталовложений, а к выкачке огромных средств из Польши в виде процентов и дивидендов. Так, например, в 1936 г., согласно официальным данным, вложения иностранного капитала в Польше составили 164,8 млн. злотых, а за границу было переведено 326,3 млн. злотых (в действительности же около 450 млн. злотых), что дает пассивное сальдо в сумме около 300 млн. злотых.

Не удивительно, что все это отражалось на платежном балансе и в конечном счете на внешне-торговой политике Польши. Поощрялся, например, демпинг товаров, который обогащал иностранных капиталистов и вел к обеднению польских трудящихся, обремененных высокими ценами на внутреннем рынке. Трудящиеся страдали во имя того, чтобы иностранные компании, не стесненные никакими ограничениями, могли переводить из Польши за границу доходы в виде процентов по кредитам и прибыли, норма которой зачастую превышала 10%.

Вместе с тем происходило сокращение доли национального польского промышленного капитала и рост доли иностранного капитала, вторгающегося все глубже в экономику страны. Иностранный кредитор часто становился владельцем предприятия-должника. Так, например, одна крупная акционерная компания, капитал которой составлял 30 млн. злотых, была вынуждена безвозмездно передать иностранному кредитору большую часть акций за продление срока ранее полученного кредита, и предоставление нового кредита. Выгоды от внедрения иностранного капитала в экономику Польши извлекала исключительно верхушка польского монополистического капитала, связанная тысячами нитей с иностранными монополистами.

---

[1] Z. Chełstowski, Zagadnienie obcych kapitałów w Polsce, 1936.

Обогащались иностранные концерны, богатела немногочисленная горстка польских эксплуататоров, связанных с иностранными капиталистами, страдал польский рабочий, крестьянин и мелкий производитель, приходили в упадок польская промышленность, торговля и финансы, нищала и экономически деградировала вся страна.

Иностранным капиталистам, владевшим крупнейшими предприятиями, пишет Хелстовский, удавалось: «оказывать успешное давление на правительство; они играли решающую роль в союзах и объединениях промышленников, имели своих представителей в промышленно-торговых палатах, оказывали большое влияние на прессу и различные организации... им удавалось направлять деятельность органов власти в соответствии со своими интересами»[1].

В неопубликованных «Политических заметках» К. Свительского, известного деятеля санационного режима, занимавшего посты премьер-министра, маршала сейма, министра и т. п., отмечается характерный факт. 26 августа 1929 г., говорится в «Заметках», Свительского, бывшего в то время премьер-министром, посетил американский посол Стетсон и предъявил «претензии в связи с тем, что на металлургическом заводе «Матильда», входившем в концерн Гарримана, вспыхнула забастовка».

Официальный представитель иностранного государства требовал от премьер-министра независимого государства, чтобы последний ликвидировал забастовку, которую осмелились объявить рабочие, занятые на предприятии, принадлежавшем одному из покровителей посла.

Разве этот «мелкий», мимоходом и без всякого удивления отмеченный факт не показывает, каково было «всемогущество» государства, исполнительного органа польских и иностранных капиталистических монополий?

---

[1] Z. Chełstowski, Zagadnienie obcych kapitałów w Polsce, 1936, str. 59—60.

VI

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Апологеты капитализма стремятся доказать, что при известных условиях капиталистическое государство может использовать свой аппарат против монополий, что вмешательство государства в условиях капитализма может содействовать регулированию экономики в целях достижения конкретных народнохозяйственных целей и преодоления анархии капиталистического производства, что правительство может прибегнуть к контролю и заставить капиталистов подчиниться своим планам.

Время от времени делаются попытки воскресить в различных вариантах теорию о надклассовом характере буржуазного государства, действующего якобы в общенациональных интересах.

Эти теории, проповедуемые в настоящее время, например в США или Англии, имели хождение и в буржуазно-помещичьей Польше, особенно в период санационного режима, когда идеологи государственного капитализма пытались изобразить как «социализм» рост государственного вмешательства в экономическую жизнь.

В досентябрьской Польше капиталистическое государство было владельцем и совладельцем значительного количества промышленных предприятий и банков. Некоторые из них («Банк господарства крайовэго», «Польмин», «Объединенные азотные заводы в Мосьцицах и Хожуве») полностью принадлежали государству. Другие (Акционерный банк, «Банк звёнзку спулэк заробковых», «Гута покуй», «Вспульнота интересув», «Скарбоферм» и т. д.) были смешанными компаниями.

Непосредственная хозяйственная деятельность капиталистического государства, собственность государства на отдельные предприятия в условиях капитализма не наносят ни малейшего ущерба капиталистической экономике в целом, не ведут к ее ограничению, не вступают в антагонистические противоречия с ней, а, наоборот, служат лишь интересам крупных капиталистических монополий.

Владелец предприятия, перешедшего в государственную собственность, получает от государства огромное возмещение, зачастую значительно превышающее стоимость самого предприятия. Следует отметить, что собственностью государства становятся обычно нерентабельные, убыточные предприятия, не обеспечивающие их крупнокапиталистическим владельцам средней нормы прибыли.

Если же такое предприятие или даже целая отрасль производства вновь становится рентабельной, они обычно возвращаются в руки частного капитала, притом на весьма выгодных для последнего условиях.

Пропаганда санационного режима в Польше зачастую пыталась завуалировать сущность государственного капитализма, полностью подчиненного интересам монополистов, путем разглагольствований о мнимом служении обществу и шумихи вокруг мелких конфликтов.

Директор горно-металлургического департамента Министерства промышленности и торговли Станислав Свентоховский вынужден был признать, что:

> «Польское государство располагает и в ближайшем будущем должно сохранить за собой ряд предприятий и имений, которые оно вынуждено будет эксплуатировать, поскольку ввиду нерентабельности этих предприятий нет возможности передать их в руки частного капитала»[1].

Обычным явлением была сдача государственных предприятий в аренду частным капиталистам. Государственные угольные шахты в Верхней Силезии были сданы в аренду польско-французской компании, причем в руках правительства находилось 50% акций, а остальные 50% — в руках французских капиталистов; половина прибылей этой компании направлялась во Францию в виде дохода французских акционеров, остальные 50% шли на покрытие государственных обязательств. Горно-металлургические заводы в бывшем Царстве Польском и завод по выплавке свинца и серебра в Стрыбнице были также сданы в аренду польско-французской компании. Так же обстояло дело с цинковыми рудниками, цинкоплавильным заводом, лесопильными предприятиями и т. п.

---

[1] St. Świętochowski, Jeszcze w sprawie państwowych przedsiębiorstw górniczo-hutniczych, Warszawa, 1926, str. 22.

Скупка государством капиталистических предприятий в целях спасения капиталистов от банкротства имела место уже в период перехода от домонополистического капитализма к империализму.

В 1869—1873 гг. значительная часть немецких железных дорог находилась в руках двух банков. В 1873 г., когда разразился экономический кризис, оба банка, находясь под угрозой банкротства, продали свои акции государству. Акции железнодорожных компаний были куплены государством по искусственно повышенному курсу, и владельцы акций получили огромные прибыли. Бисмарк, концентрируя в руках государства железные дороги, спас от банкротства крупнейших капиталистов. В связи с этим Энгельс в 1880 г. в своей статье «Социализм господина Бисмарка» писал: «Проект концентрации всех железных дорог в руках имперского правительства имеет своим исходным пунктом не общественное благоденствие страны, а индивидуальное благоденствие двух несостоятельных банков» [1].

В Польше государство, особенно в период кризиса, было спасательным кругом для паразитического монополистического капитала. В течение 10 лет, с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1936 г., общая сумма капиталовложений государства в капиталистических предприятиях возросла с 51 млн. злотых до 432,9 млн. злотых, то есть в восемь с половиной раз. Крупную роль в этот период сыграло сосредоточение в руках государства (в 1934 г.) 52% акционерного капитала компании «Гута покуй», одной из двух крупнейших польских горно-металлургических компаний, которая находилась в теснейшей связи с крупными немецкими компаниями и входила наряду с другими крупными предприятиями в состав мощного концерна.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 489—490.

В 1936—1937 гг. государство стало совладельцем объединения «Вспульнота интересув», крупнейшего промышленного концерна Польши, создавшегося в результате слияния компании «Катовицкое горно-металлургическое акционерное общество», с акционерным капиталом 100 300 тыс. злотых, с компанией «Верхнесилезские объединенные металлургические заводы Гуты Крулевска и Лаура» с акционерным капиталом 84 млн. злотых.

В чем же был действительный смысл всей этой хозяйственной деятельности капиталистического государства, его участия в различных предприятиях и концернах? В результате этой деятельности государства средства, выжимавшиеся у широких масс населения путем прямых и косвенных налогов, шли на покрытие дефицита, порожденного паразитическим характером капиталистического хозяйства. Эти средства должны были обеспечить рентабельность так называемых смешанных предприятий; они шли на уплату высоких окладов директорам и высшим служащим предприятий, являвшихся настоящей обузой для казны, — людям, ревностно служившим правительственной клике и капиталистической системе.

«Неправильная политика, проводившаяся в отношении королевских латифундий, лишила в свое время государственную казну значительных доходов. «Королевские вотчины» наших дней — государственные предприятия, также наносят непосредственный ущерб казне»[1].

Даже буржуазные экономисты вынуждены были признать, что государственно-капиталистические мероприятия носят не антикапиталистический, а скорее прокапиталистический характер. «Эксперт» по вопросам государственного капитализма Тадеуш Бернадзикевич писал:

«Некоторые при оценке деятельности государственных торговых обществ выдвигают на первый план отрицательные стороны, вытекающие из излишней независимости государственно-капиталистических предприятий от парламентского контроля и даже от хозяйственной политики государства. Они опасаются, что на таких предприятиях легко может взять верх погоня за наибольшими прибылями, а это может нанести ущерб выполнению истинных задач государственных предприятий. Некоторые круги подвергают также критике смешанные предприятия, так как, по их мнению, частный капитал в этих предприятиях может использовать в корыстных целях авторитет государства, что может вызвать столкновение между противоречивыми государственными и частными интересами, а также способствовать выгодному размещению частными предпринимателями своих капиталов и т. д.»[1]

---

[1] H. Tennenbaum, Ośrodki dyspzycji gospodarczej w Polsce, Warszawa, 1929, str. 138.

Тем, кто хотел представить сотрудничество государственного и частного капитала в смешанных предприятиях как сочетание «частной инициативы с подчинением хозяйственной деятельности предприятия основам государственной политики»[2], прямо отвечает Г. Тенненбаум:

«В современных условиях (читай: в эпоху империализма. — *Л. Г.*) государственное предприятие, как правило, не является орудием хозяйственной политики государства. Наоборот, опыт показывает, что такие предприятия развиваются самостоятельными (читай: общекапиталистическими. — *Л. Г.*) путями и к ним приспосабливается хозяйственная политика государства»[3].

В этой весьма осторожной и умеренной оценке выявляется существенная характерная черта так называемого государственного капитализма — прямая защита государством интересов крупного капитала и создание условий для увеличения капиталистических прибылей.

Можно привести несколько фактов для иллюстрации этого положения.

В 1929 г. государственное предприятие «Польмин» основало совместно с частной фирмой «Тарнава» нефтяное товарищество под названием «Польминтар» с капиталом в размере 390 тыс. злотых. Задачей товарищества было ведение разведочного бурения и эксплуатация нефтяных месторождений. Компания имела собственный нефтяной промысел «Изабелла» близ Санока. Поскольку «Польминтар» не мог возвратить ссуду, взятую в Нефтяном банке, в январе 1933 г. этот банк приобрел нефтепромысел «Изабелла» с аукциона за сумму в 40 тыс. злотых. Впоследствии, однако, государственное предприятие «Польмин» выкупило этот промысел у Нефтяного банка.

---

[1] T. Bernadzikiewicz, Udział państwa w spółkach handlowych, Warszawa, 1938, str. 55.

[2] Там же.

[3] H. Tennenbaum, Ośrodki dyspozycji gospodarczej w Polsce, Warszawa, 1929, str. 138.

Как подтвердила в своем отчете Высшая государственная контрольная палата, вся эта запутанная сделка привела к тому, что в конечном счете промысел «Изабелла», который был продан с молотка за 40 тыс. злотых, обошелся государству в 371 тыс. злотых. Для полноты картины следует добавить, что после выплаты, а точнее после передачи этой суммы в карман частного капиталиста, промысел «Изабелла» был в 1933/34 гг. закрыт.

«Польмин» являлся также держателем 50% акций частного нефтяного товарищества «Полён». Впоследствии, однако, товарищество полностью перешло в собственность «Польмина», который приобрел частнокапиталистический пай соучастника, несмотря на то, что валовой доход промысла, принадлежащего товариществу «Полён», не превышал 2 тыс. злотых в месяц, что едва покрывало эксплуатационные расходы. Промысел «Полён» также был закрыт в 1933/34 гг. В результате ликвидации предприятия рабочие были выброшены на улицу, а казначейство понесло существенный убыток. Выгадал на этом деле только капиталист.

В одной из предыдущих глав подробно говорилось о махинациях «Польмина» (директора которого были связаны с другими капиталистическими предприятиями), осуществляемых в убыток государству, в интересах частных капиталистических компаний («Газолин», «Междугородние газопроводы» и т. д.). В связи с вопросом о кредитах, предоставленных таким предприятиям, как «Урзус», «Азот» и др., говорилось также и о политике БГК, принадлежавшего государству и в то же время тесно связанного с крупным монополистическим капиталом.

Т. Бернадзикевич писал по вопросу о политике БГК: «Кредитная политика БГК в ряде случаев приводила к тому, что государственная казна без особой нужды вкладывала средства в акционерный капитал слабых в финансовом и хозяйственном отношениях предприятий, зачастую не представлявших никакого интереса, с точки зрения «большой» экономической политики. Но только таким путем эти предприятия можно было спасти от угрожавшего им банкротства»[1].

О результатах этой политики, ударявшей по государственной казне, которая расходовала на указанные выше цели средства, выжимаемые у широких масс трудящихся, свидетельствует отчет Высшей государственной контрольной палаты за 1931/32 гг. В этом отчете сказано: «Предприятия, входящие в состав консорциума, которому банк оказал существенную финансовую поддержку, понесли многомиллионные убытки».

«Банк господарства крайовэго», призванный в первую очередь предоставлять кредиты государственным, а также муниципальным предприятиям и организациям, в действительности финансировал главным образом крупную частнокапиталистическую промышленность и крупных помещиков. Об этом свидетельствуют статистические данные о предоставленных БГК кредитах. Так, до 31 декабря 1935 г. помещики получили 55% всех кредитов, частная промышленность — 32%, частные банки — 5%, а государственные предприятия, кооперативы, а также повятовые (уездные) и гминные (волостные) органы самоуправления — только 3%. Кредиты за счет так называемого «санационного фонда», средства из которого предоставлялись в соответствии с указаниями Министерства финансов, были распределены следующим образом: частным банкам примерно 73%, частнокапиталистической промышленности — около 13% и государственным предприятиям — тоже около 13%.

Использование государственного аппарата и государственной казны для увеличения прибылей капиталистических монополий происходило под разными, зачастую противоречивыми внешне предлогами. Г. Тенненбаум, работа которого нами уже цитировалась, писал: «В экономической политике Польши в одинаковой мере удостоиваются внимания два мотива: всемерная поддержка польского капитала и оказание всяческого содействия привлечению иностранного капитала. Нередко одно и то же предприятие ссылается поочередно на оба эти мотива. Сперва оно требует государственных кредитов для поддержки польского капитала, а затем оно требует льгот, мотивируя это требование использованием привлеченного иностранного капитала. Ссылки на любой из этих мотивов носят произвольный характер, определяющую роль здесь играют текущие коммерческие соображения предпринимателя»[1].

---

[1] T. Bernadzikiewicz, Przerosty etatyzmu, Warszawa, 1936.

В. И. Ленин в своих работах неоднократно указывал, что в условиях империализма государственная монополия является источником повышения доходов и средством спасения от банкротства отдельных капиталистов и целых капиталистических групп.

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал: «Банковые тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны. Но, разумеется, эта боязнь не выходит за пределы конкуренции, так сказать, двух столоначальников в одной канцелярии. Ибо, с одной стороны, миллиардными капиталами сберегательных касс распоряжаются на деле в конце концов *те же* магнаты банкового капитала; а с другой стороны, государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности»[2].

В этих ленинских словах выражена суть капиталистического огосударствления. Монополист, дела которого идут хорошо, является противником передачи своих предприятий в государственную собственность, несмотря на то, что в условиях капитализма переход в руки государства отдельных предприятий нисколько не идет вразрез с господством монополий. Более того, в определенных условиях такой переход выгоден, а иногда даже является неизбежным для капиталистов.

---

[1] H. Tennenbaum, Struktura gospodarstwa polskiego, Warszawa, 1932, str. 500.

[2] **В. И. Ленин**, Соч., т. 22, стр. 205.

Капиталисты, над которыми нависла угроза банкротства, видят в переходе своих предприятий в руки государства возможность спасения своих прибылей и охотно прибегают к этому средству для увеличения своих доходов.

История польского империализма полностью подтверждает это положение. 1927—1928 годы были периодом относительно благоприятного хозяйственного развития. В 1927 г. акционерная компания «Лильпоп» получила, по официальным данным 1,5 млн. злотых прибыли, «Верхнесилезские объединенные металлургические заводы Гуты Крулевска и Лаура» — 1,3 млн. злотых, «Островецкий завод» — 2 млн., «Зеленевский» — 1 млн., акционерная компания «Цегельский» — 800 тыс. злотых. В этот период представители капитала высказываются против политики государственного капитализма.

10 декабря 1928 г. и 10 января 1929 г. на совещаниях у князя Януша Радзивилла, типичного представителя финансовой олигархии и одновременно вице-председателя ББВР [1], встретились представители крупного капитала — Вежбицкий, Гливиц, Клярнер и представители правительства: Гурецкий, Стажинский и др. Не выступая против государственного вмешательства в экономику, как такового, представители крупных монополий высказывались против «излишнего вмешательства». Стажинский, представитель фашистского правительства и один из творцов его экономической политики, доказывал: «Все то, что мы делаем, будь то накопление хлебных запасов или строительство холодильников, все это мы делаем с целью увеличения прибылей, и поэтому я считаю недоразумением всякие разговоры о том, что мы проводим в настоящий момент антикапиталистическую политику, политику ограничения прибылей» [2].

Председатель БГК, генерал Гурецкий, оправдываясь перед капиталистами, говорил, что «предприятия, которые находятся во владении «Банка господарства крайовэго», — это такие предприятия, которые были оставлены частным капиталом», ибо «частный капитал старается сбыть с рук предприятия, приносящие небольшую прибыль»; «владельцы предприятий, переходящих в руки государства»[1], имеют предпочтительное право выкупа всего пакета акций.

---

[1] ББВР — Беспартийный блок сотрудничества с правительством. — *Прим. ред.*

[2] Стенограммы выступлений на совещаниях у князя Януша Радзивилла 10 декабря 1928 г. и 10 января 1929 г., БГК, 1929.

Далее Гурецкий напомнил, как государство спасало и «оздоровляло» частные банки, считая, что «развитие частных банков в Польше — это один из важнейших факторов развития хозяйственной жизни». Гливиц, заявив, что вмешательство государства в экономику являлось необходимостью в период инфляции и падения курса злотого и что в настоящий момент необходимость эта уже отпала, предложил ограничить задачи государства в области хозяйственной деятельности лишь созданием благоприятных условий для успешного развития частной инициативы. Это предложение нашло полное понимание и одобрение со стороны Гурецкого, обещавшего действовать так, чтобы обеспечить благоприятные условия для развития частной инициативы.

Другой правительственный сановник, Крахельский, напомнив об огромных, исчислявшихся триллионами марок[2] кредитах Военного министерства и кредитах ПКПК[3] промышленникам, отмечал: «Когда начинается строительство какого-либо предприятия, частные предприниматели всегда лезут из кожи вон, доказывая необходимость создания данного предприятия и его рентабельность. Правительство содействовало в таких случаях частной инициативе, ибо в противном случае оно подверглось бы яростным нападкам. Капиталисты, преодолев ряд трудностей при существенной кредитной помощи правительства, завершают строительство предприятия. В скором времени, однако, выясняется, что калькуляция стоимости строительства разработана неправильно. Акционеры выносят решение об увеличении капитала, после чего... все они отказываются от приобретения вновь выпущенных акций. Когда же государство вынуждено приобрести вновь выпущенные ценные бумаги и стать почти неограниченным хозяином предприятия, то предприниматели поднимают вопль о государственном вмешательстве»[1]. Эта несправедливость задела за живое представителя государственно-монополистического капитализма.

---

[1] За щедрое вознаграждение. — *Л. Г.*

[2] В 1923 г.

[3] ПКПК — Государственная ссудо-кредитная касса. — *Прим. ред.*

Воспользовавшись тем, что совещание проходило в узком кругу доверенных лиц, о чем говорил в своем вступительном слове «достопочтенный» хозяин[2], и не опасаясь в связи с этим, что его слова получат огласку, Крахельский указал, что капиталисты иногда прибегали к вмешательству государства. Он напомнил, как на одном совещании, которое правительство Бартеля—Пилсудского проводило с «Левиафаном», представитель угольного картеля добивался от правительства, чтобы оно затруднило подачу железнодорожных вагонов для «непослушной», то есть не входившей в картель, угольной шахты. Далее Крахельский указал также на то, что картели в значительной степени обязаны своими успехами политике правительства. Так, например, совет министров прекратил выдачу концессий на строительство новых дрожжевых заводов, несмотря на большое количество предложений (тем самым правительство гарантировало дрожжевому картелю условия для неограниченной эксплуатации трудящихся масс и огромной наживы). Крахельский заявил, что политика государственного вмешательства в экономику, о которой все время шла речь на совещании, была одобрена экспертной комиссией при президиуме совета министров, состоявшей из представителей крупного капитала и работавшей под председательством Вежбицкого.

Вежбицкий должен был признать в конце совещания, что «экономические круги» (читай: крупный капитал) «желают вмешательства государства в решение экономических вопросов». Однако он бы предпочел, если бы государство вместо строительства собственных предприятий предоставляло экспортные премии частнокапиталистической промышленности.

Наступил экономический кризис 1929—1933 гг. В этот период монополистический капитал не высказывает отрицательного отношения к государственно-капиталитическим мероприятиям, без стеснения используя помощь государства не только в форме премий, субсидий и т. п., но в еще большей мере в форме непосредственной передачи убыточных предприятий в руки государства или в форме «оздоровления» капиталистических фирм.

---

[1] Стенограммы выступлений на совещаниях у князя Януша Радзивилла 10 декабря 1928 г. и 10 января 1929 г., БГК, 1929.

[2] То есть Януш Радзивилл. — *Прим. ред.*

Впрочем и тогда не все капиталисты придерживались одинаковых взглядов. Вмешательство государства приносило пользу главным образом крупнейшим монополистическим объединениям. Средние капиталисты чувствовали себя обиженными и неодобрительно высказывались о проводимой государством политике покровительства крупным монополиям.

Своей непосредственной хозяйственной деятельностью государство обеспечивало огромные прибыли иностранным капиталистам и способствовало росту их влияния.

Внешние долги польского государства и местных органов власти составили на 1 января 1932 г. 4 837 млн. злотых, а сумма, переведенная в том же году за границу в виде процентов по этой задолженности, определялась в 120 млн. злотых[1]. За 9 лет (1924—1932 гг.) проценты по займам, предоставленным государству и местным органам власти, составили сумму более чем в 1 млрд. злотых.

Средства, полученные от заграничных займов, в основном расходовались не на производственные цели, а предназначались для стабилизации злотого, для покрытия бюджетного дефицита или же для покрытия военных расходов. Только незначительная часть средств, полученных по займам, вкладывалась в капитальное строительство.

Внешние долги польского государства можно разделить на две группы.

К первой группе относятся долги, образовавшиеся в период 1917—1920 гг. Первые долговые обязательства, относящиеся к 1917—1918 гг., были связаны с созданием армии Галлера и Национального комитета в Париже.

На основании закона 1919 г. были получены кредиты у иностранных правительств, преимущественно у американских империалистов, а в ряде случаев — у частных иностранных фирм. В 1920 г. был предоставлен долларовый эмиссионный заем. Средства, полученные по займам, предназначались исключительно на военные цели, главным образом на ведение войны против СССР. «Союзники», заинтересованные в разжигании польско-советской войны, однако не финансировали ее безвозмездно. Долги этого периода сковывали дальнейшее хозяйственное развитие Польши. После консолидации[1] этих долгов, проведенной на очень невыгодных условиях в 1924 г., они составили на 1 января 1933 г. сумму в размере 3 289,6 млн. злотых, что составляло 72,8% всей внешней задолженности польского государства.

---

[1] Z. Chełstowski, Zagadnienie obcych kapitałow w Polsce

Ко второй группе долгов относятся долги, связанные с займами, полученными после 1924 г. Крупнейшими из них были: итальянский табачный заем 1924 г., диллоновский долларовый заем 1925 г., два крейгеровских займа, стабилизационный заем 1927 г. и французский железнодорожный заем 1931 г. Все эти займы были получены на исключительно тяжелых и невыгодных для Польши условиях. В то время как обычная процентная ставка в Соединенных Штатах составляла 4% в год, процент, уплачиваемый при выпуске польских займов в Америке, если учесть низкий эмиссионный курс и крупные комиссионные для американских банкиров, фактически превышал 10. При таком дорогом иностранном кредите издержки производства в Польше не могли не быть выше, чем за границей, что значительно снижало конкурентоспособность польской промышленности на мировом рынке.

Приток иностранных капиталов в Польшу был слабым, а размер займов — незначительным. Так, например, диллоновский заем (35 млн. долл.) оказался совершенно недостаточным для удовлетворения кредитного голода в Польше, и поэтому он не мог сыграть никакой роли в деле преодоления серьезного экономического кризиса. Официальный эмиссионный курс этого займа составлял 95%, фактический курс реализации не превышал, однако, 86%, а расходы, связанные с размещением займа, составили примерно 12% суммы займа. Заем был обеспечен валовым доходом польских государственных железных дорог, исчислявшимся в сумме более миллиарда злотых, и сахарным акцизом. Бросается в глаза диспропорция между размером обеспечения и суммой займа.

---

[1] Консолидация — кредитная операция по преобразованию текущих (краткосрочных) государственных долгов в долгосрочные. — *Прим. ред.*

Следует добавить, что фирма «Диллон-Рид и К°» получила по условиям договора исключительное право на предоставление займов Польше и их размещение на американском рынке.

Стабилизационный заем 1927 г., разрекламированный как крупный успех санационного режима, отдавал Польский банк под полный контроль международной финансовой клики. Польша была «осчастливлена» американским финансовым «советником» Девейем, который имел решающее влияние в определении валютной и кредитной политики правительства.

Профессор Ст. Грабский отмечает:

«Контроль международного финансового капитала над нашей экономической политикой лишил правительство возможности вести успешную борьбу с дефицитом торгового баланса. Иностранный капитал заинтересован в том, чтобы Польша была потребителем американских, английских, немецких товаров, а не конкурентом американских, английских и немецких предприятий на международных рынках. «Основной» (стабилизационный) заем способствовал утечке иностранных капиталов, а не их притоку в страну. С каждым месяцем становится все меньше денег в стране, все труднее становится получить кредит, растет число опротестованных векселей, сокращается торговый оборот. Все ощутительнее становится ущерб, нанесенный нам стабилизационным займом. Нами уже утеряна независимость в области кредитной политики» [1].

На примере итальянского табачного займа, спичечного займа, а также французского железнодорожного займа легко можно показать грабительский, эксплуататорский характер иностранных займов.

10 марта 1924 г. между польским и итальянским правительствами был заключен договор, на основании которого польское правительство получило заем в сумме 400 млн. лир из 7% годовых (официальная ставка) со сроком погашения в течение 20 лет. Договор предусматривал оплату польским правительством всех сборов,

---

[1] „Lwowski Kurier Poranny“, z 22 lipca 1929.

связанных с заключением займа. Заем обеспечивался ипотекой всего недвижимого имущества табачной монополии (как в момент заключения займа, так и эвентуально приобретенного в будущем), а также и доходами этой монополии. Польское правительство впредь не могло заключать займы, обеспеченные имуществом или доходами табачной монополии.

На основании дополнительного соглашения польская казна, кроме уплаты процентов и очередных взносов по погашению займа, должна была отчислять в течение 10 лет в так называемый «резервный фонд», открытый в итальянском банке «Банка коммерчиале», определенную сумму с доходов табачной монополии. Этот «резервный фонд» составлялся за счет покупки польским правительством итальянских казначейских бон и государственных ценных бумаг и был предназначен для дополнительного обеспечения интересов итальянского правительства. В то время как польский заем был выпущен по курсу 81 за 100 и приносил 7% годовых, итальянские облигации покупались по курсу 93 и приносили 5% годового дохода.

«Оригинальность» этой заемной сделки заключалась в том, что в определенный момент суммы, вложенные польским правительством в итальянские ценные бумаги, оказывались равными невыплаченной части займа. И тогда, поскольку доход от итальянских облигаций был меньше сумм, выплачиваемых польским правительством по своим облигациям, польское правительство оплачивало разницу в процентах, хотя фактически никакой задолженности у него уже не было.

Следовательно, в определенный момент польская государственная казна из должника превращалась фактически в кредитора итальянской казны, но, несмотря на это, должна была осуществлять платежи в силу кабальных условий табачного займа.

Хотя официально установленная процентная ставка по займу составляла 7%, в результате различных сборов, падавших на польское правительство, эта ставка повышалась до 8,5%, а если учесть разницу между процентами от итальянских облигаций и процентами, уплачиваемыми польским правительством по облигациям займа, эта ставка была еще выше.

Кроме того, необходимо учесть последствия, к которым приводила разница в курсе валют. Так, например, до 1931/32 г. Польша получила 14,1 млн. долл., выплатила 19,1 млн. долл. и после этого оставалась еще «должна» сумму, равную (в польской валюте при пересчете на доллары) 8 млн. долл.

Представитель держателей облигаций табачного займа имел право контролировать бухгалтерские книги польской табачной монополии; расходы, связанные с содержанием этого представителя, несла табачная монополия.

Этим, однако, не ограничивались кабальные условия займа.

Одновременно с заключением договора об итальянском займе и на его основе табачная монополия заключила дополнительный договор, значительно ограничивавший ее деятельность.

В виде вознаграждения за услуги, оказанные при получении заграничного займа, дирекция табачной монополии предоставила итальянским концессионерам Гуго и Фолько Пеккиоли привилегию, в силу которой в течение 20 лет, то есть до 1944 г., польская табачная монополия обязывалась приобретать у указанных лиц табак-сырец в количестве, равном 60% всей импортной потребности Польши.

Из остальных 40% импортного табака-сырца монополия обязалась половину, то есть 20%, приобретать с публичных торгов и только 20% — в порядке свободных закупок. Польская табачная монополия обязана была известить фирму Пеккиоли о дне проведения публичных торгов, на которых она (монополия) приобретала 20% импортного контингента, с тем чтобы фирма Пеккиоли могла принять участие в торгах и получить в конечном счете возможность поставки 80% импортировавшегося в Польшу табака.

Цена табака устанавливалась на торгах. Определение качества табака-сырца является делом исключительно трудным. Фирма Пеккиоли поставляла обычно табаки значительно худших сортов по сравнению с теми, какие монополия приобретала на торгах, однако по той же самой цене. Таким образом, польская табачная монополия переплачивала за табачное сырье.

В порядке покрытия 60% импортной потребности польской табачной монополии итальянское правительство имело право поставлять определенное количество табака-сырца итальянского производства. Максимальный размер этих поставок в течение первых трех лет действия договора был определен в количестве 2 млн. *кг* в год, а в последующие годы непрерывно повышался. Продажную цену на эти поставки табака определяло итальянское правительство. Итальянское правительство имело право передачи указанной привилегии частной итальянской фирме, которая в этом случае сама диктовала цены.

Особый пункт договора устанавливал обязательство польского правительства обеспечить такое положение, чтобы чистый доход табачной монополии был по меньшей мере втрое больше размера сумм, необходимых для погашения итальянского табачного займа. Этот пункт договора устанавливал также определенные минимальные цены на табак и папиросы, причем польская табачная монополия не имела права продавать свои изделия по более низким ценам. Символом закабаления Польши и ограничения ее суверенитета был пункт договора, предусматривающий в случае военных действий на территории Польши право вывешивания итальянского государственного флага на зданиях, принадлежащих табачной монополии.

Подводя итоги, можно сказать, что итальянский табачный заем наложил на экономику Польши огромное бремя в виде:

а) исключительно высоких, ростовщических процентов по займу;

б) ограничения свободы действий в области коммерческой калькуляции и коммерческих сделок;

в) ограничения экономической самостоятельности Польши и ее права распоряжаться своей собственностью;

г) обременения польских потребителей чрезмерно высокими ценами на изделия табачной монополии.

Задолженность Польши по табачному займу была ликвидирована только в 1946 г. на основании мирного договора с Италией.

Грабительский характер иностранных займов еще более наглядно показывает пример спичечных займов.

В 1925 г. шведско-американский концерн Крейгера предоставил «Банку господарства крайовэго» заем на относительно небольшую сумму в 6 млн. долл.

В том же году в Польше была в законодательном порядке установлена и сдана в аренду указанному концерну спичечная монополия. Специально созданная в Польше и вошедшая в состав концерна Крейгера акционерная компания по эксплуатации польской спичечной монополии скупила все польские спичечные фабрики, получив одновременно право на приобретение завода по производству хлората калия и на строительство новых заводов по производству фосфата и хлората калия. Цена спичек была скалькулирована так, что акционерная компания могла получить за вычетом арендной платы по меньшей мере 12% чистой прибыли на акционерный и резервный капитал.

Большая часть приобретенных компанией фабрик была закрыта, что, разумеется, вызвало сокращение производства, увольнение рабочих и повышение цен на спички. Концерн Крейгера не нес убытков, поскольку, в соответствии с условиями договора, по истечении срока аренды Крейгеру было предоставлено право вывезти обратно весь свой капитал.

По условиям договора концерн Крейгера приобрел завод по производству хлората калия, принадлежавший фирме «Радоха». Эта фирма, входившая в состав концерна Крейгера, продавала хлорат калия Польской акционерной компании по эксплуатации спичечной монополии, также входившей, как было указано выше, в концерн Крейгера, по весьма высоким ценам. Рост цен на хлорат калия приводил к соответственному повышению цен на спички.

Непосредственно на этом выигрывала фирма «Радоха», а в конечном счете — ее владелец, концерн Крейгера. Не несла убытков и акционерная компания по производству спичек, возраставшие прибыли которой выжимались у рабочих и крестьян.

С этой же целью было создано лесопромышленное товарищество с ограниченной ответственностью —«Трак». Основным совладельцем фирмы «Трак» являлся директор акционерной компании по эксплуатации спичечной монополии. «Трак» поставлял этой акционерной компании осиновую древесину, закупавшуюся главным образом в государственных лесах. Чем выше была цена на осиновую древесину, поставлявшуюся лесопромышленным товариществом, тем больше доходов имела фирма «Трак», а следовательно, Крейгер, тем выше была цена спичек для польских потребителей.

В 1931 г. акционерная компания по производству спичек «Свенска тэндстик акциоболагет», принадлежавшая концерну Крейгера, предоставила польскому правительству новый заем в размере 32,4 млн. долл., путем приобретения выпущенных польским правительством облигаций с 35-летним сроком погашения. Польское правительство обязалось признать еще не погашенное долговое обязательство по первому спичечному займу по номинальной стоимости вместе с причитающимися к уплате процентами частью суммы нового займа, и таким образом фактический размер нового займа был значительно меньше 32,4 млн. долл. Погашение займа и выплата процентов по облигациям были обеспечены всеми поступлениями от арендаторов спичечной монополии в государственную казну. Облигации займа освобождались от всех пошлин, налогов и гербовых сборов, взимаемых на территории Польши.

Этот второй заем Крейгер использовал для значительного ухудшения для Польши условий арендного договора, заключенного при предоставлении первого займа.

Новый договор предусматривал расширение монополии на полуфабрикаты, то есть на производство спичечной соломки, древесной ленты, идущей на изготовление спичечных коробок, и готовых коробок.

Результатом этого было значительное усиление зависимости производителей осиновой древесины от спичечной монополии. Польша была одной из немногих стран, производящих осиновую древесину. Страна была заинтересована в вывозе осиновой древесины в виде спичечной соломки. Импортеры осиновой древесины (в первую очередь Германия) стремились приобретать древесину в необработанном виде, с тем чтобы производить спичечную соломку внутри страны. В соответствии с новым договором вывоз древесины в виде спичечной соломки был поставлен в зависимость от согласия шведско-американского концерна.

Кроме того, акционерная компания по[illegible]плуатации спичечной монополии получила в аренду монополию на зажигалки. Она получила право производить их на собственных предприятиях. Польские предприятия могли выпускать зажигалки лишь с разрешения акционерной компании и по ее заказу. Наконец, самым важным был пункт договора, предоставлявший акционерной компании монопольное право продажи в Польше в течение 35 лет заграничных зажигалок (главным образом немецких), не облагавшихся ввозными пошлинами. Это условие имело своей целью ликвидировать производство зажигалок в Польше. Так была ликвидирована «угроза» распространения зажигалок, которые конкурировали с крейгеровскими спичками.

По первому арендному договору (1925 г.) акционерная компания обязывалась экспортировать спички в объеме не менее $^{1}/_{3}$ их внутреннего потребления. По новому же договору определение объема экспорта спичек было полностью оставлено на усмотрение акционерной компании. Эта привилегия, предоставленная иностранному концерну, наносила большой ущерб польскому торговому и платежному балансу. По существу это приводило к ограничению польского суверенитета, поскольку экспорт спичек определялся акционерным обществом по производству спичек «Свенска тэндстик акциоболагет», входившим в концерн Крейгера.

Закабаление польской спичечной промышленности объясняет, почему в некоторых районах довоенной Польши каждую спичку делили на четыре части, почему в 1938 г. потребление спичек на душу населения составляло лишь 11 коробок спичек в год (в 1947 г. — 35,8 коробки).

В 1931 г. польское правительство заключило договор с французским консорциумом, участниками которого были крупный военно-промышленный концерн «Шнейдер — Крезо», а также группа крупных французских банков, тесно связанных с этим концерном. Созданное в результате этого договора французско-польское железнодорожное товарищество получило концессию на строительство железной дороги Гдыня — Верхняя Силезия и в связи с этим выпустило свои облигации на общую сумму 1 100 млн. французских франков (350 млн. злотых). Эти облигации были размещены во Франции, а полученные этим путем средства использовались для строительства железной дороги. За руководство строительством фирма Шнейдера получала 15% общей суммы стоимости строительства. При смете в 1 100 млн. франков это составляло 156 млн. франков чистого дохода.

Фирма Шнейдера выгадывала на этом деле вдвойне. Материалы для строительства закупались по высоким ценам у фирм, совладельцем которых являлся концерн Шнейдера, как, например, у металлургической компании «Гута банкова» или у Стараховицкого завода. Фирма Шнейдера выгадывала, таким образом, как поставщик материалов и вместе с тем, повышая сумму расходов на строительство железной дороги, увеличивала причитающуюся ей, как концессионеру, сумму, составляющую, как указывалось, 15% общей стоимости строительства.

Но Шнейдер не ограничивался наживой на строительстве железной дороги. На основе концессионного договора в течение 45 лет управлять этой железной дорогой должно было французско-польское железнодорожное товарищество, то есть концерн «Шнейдер — Крезо». Обладая железной дорогой, обслуживавшей важнейшие промышленные районы Польши (Верхняя Силезия, Домбровский и Краковский бассейны, Лодзинский район) и районы наиболее интенсивного сельскохозяйственного производства (свекловодство и сахарная промышленность), французский финансовый капитал оказывал огромное влияние на хозяйственную жизнь Польши.

Не стесненный необходимостью оплачивать проценты по облигациям займа за счет доходов от эксплуатации дороги, Шнейдер мог в течение 45-летнего управления железной дорогой, так же как и во время строительства, осуществлять безудержный грабеж. Он мог и в дальнейшем платить огромные цены за материалы, купленные на собственных или «дружественных» предприятиях (рельсы, вагоны, локомотивы), и выплачивать огромное жалованье многочисленным директорам, так как по договору польское правительство обязано было покрывать дефицит общества за счет налогов, выжимавшихся у населения. Кроме того, Шнейдер мог увеличивать стоимость перевозок по этой магистрали. Поскольку важнейшим грузом должен был быть уголь, весь ущерб от увеличения железнодорожного тарифа опять-таки несла страна. Поэтому в действительности размер выплат по займу составлял не 6% суммы займа (как было предусмотрено в договоре), а 20—25%.

Интересы французского капитала в Польше охранял специальный контролер. Результат этого контроля был таков, что после реализации первого выпуска облигаций в размере 400 млн. франков последующие выпуски не были реализованы под предлогом неудачи первой эмиссии. Концерн «Шнейдер — Крезо» сохранил свои права, хотя не выполнил взятых на себя обязательств.

Мы не останавливаемся здесь на политическом аспекте займа, имевшего, несомненно, военно-стратегический характер и усиливавшего влияние международного империализма в Польше, ни на рассмотрении условий всех наносивших ущерб Польше иностранных займов (например, коммунального займа, предоставленного американской фирмой «Уллен»). Здесь отмечаются лишь основные черты этих займов.

После майского переворота 1926 г. санация торжественно провозгласила, что иностранный капитал отныне проникся большим доверием к Польше и что прежние кабальные иностранные займы уступят место полезному для Польши притоку иностранного капитала. Ставленник санационного режима, председатель «Банка господарства крайовэго» и крупных промышленных концернов Роман Гурецкий еще в 1931 г. писал:

«Капитал требует спокойной обстановки; в противном случае он скрывается и переходит в те места, где ему обеспечена безопасность... Вредная деятельность оппозиции, ведущей в течение многих лет ожесточенную борьбу с правительством, тормозила приток капиталов в Польшу, лишая страну миллионов злотых. Только нынешнее соотношение политических сил таково, что наша оппозиция не сумеет оказывать сколько-нибудь значительное влияние на дальнейшие судьбы страны. Только сегодня мы можем дать иностранным капиталистам необходимую гарантию спокойствия и внутреннего порядка, которого они давно ожидали от нас»[1].

---

[1] Praca zbiorowa, „Pięć lat na froncie gospodarczym“, 1928, str. 551.

Действительно, фашизация Польши, осуществленная режимом Пилсудского, отвечала стремлениям иностранных концернов и держательских компаний, заинтересованных в подавлении сопротивления рабочих и крестьянских масс и в обеспечении более благоприятных условий для своей наживы.

Действительно, антисоветские планы Пилсудского были на руку международному империализму и соответствовали его стремлениям. В этом отношении доверие иностранного капитала к буржуазному правительству Польши действительно возросло.

Но вместе с тем международный монополистический капитал не проявлял ни малейшего желания облегчить условия предоставления кредита; напротив, он стремился еще более усилить эксплуатацию Польши.

Эти стремления международного капитала не были безуспешными. Об этом свидетельствуют условия займов, заключенных Польшей после 1926 г.: стабилизационного займа, второго договора с Крейгером, заключенного в 1930 г., займа 1931 г. и ряда других займов.

Об этом свидетельствует в особенности тот факт, что после 1926 г. процесс закабаления польской промышленности и всей хозяйственной жизни Польши международным капиталом достиг своего зенита.

Даже те далеко не полные данные, которые были приведены выше, дают все основания утверждать, что хозяйственная деятельность капиталистического государства — в форме ли полного огосударствления частнокапиталистических предприятий, в форме ли частичного участия государства в капиталистических предприятиях, — что вообще какое бы то ни было вмешательство капиталистического государства в экономику в любых формах не приносит ни малейшего ущерба капиталистической системе. Оно, напротив, призвано обеспечить сохранение и укрепление капитализма. Государственное вмешательство в экономику возлагает новое бремя на плечи широких масс трудящихся и является дополнительным средством увеличения прибылей и могущества крупных монополий. Вместе с тем хозяйственная деятельность государства является дополнительным фактором, углубляющим внутренние противоречия капитализма.

* * *

История 20-летнего существования польского буржуазного государства — это история классового государства служившего интересам крупного монополистического капитала, проводившего всю свою внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с этими интересами.

Никакие «реформы», никакая «борьба» на парламентской арене, никакие избирательные бюллетени, изображавшиеся проповедниками «теории» мирного врастания в социализм и «надклассового» характера государства в виде «действенного оружия борьбы», не могли изменить существовавшего положения.

Основной предпосылкой коренного изменения этого положения являлась ликвидация монополистического капитала, ликвидация финансовой олигархии, а также тесно связанного с монополиями и подчиненного монополиям государственного аппарата.

Эта задача была осуществлена путем революционных преобразований в нашей стране, вступившей на путь построения основ социализма, на путь строительства счастливого будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Введение 13

I. Роль монополий в капиталистической Польше . . 16

II. Сращивание государственного аппарата с монополиями 24

III. Государство — орудие эксплуатации и угнетения трудящихся масс 39

IV. Политика государства — политика крупного монополистического капитала 7

V. Политика государства — политика польских и иностранных монополий . . . .

VI. Непосредственная хозяйственная деятельность государства 1

Редактор *И. А. СОКОЛОВ*

Технический редактор *Е. С. Герасимова* Художник *Г. Л. Д*

Сдано в производство 3/IX 1952 г. Подписано к печати 22/X 1952 г. А-0

Бумага $84 \times 108^1/_{32}$ = 2 бум. л. — 6,6 печ. л. Уч.-изд. л. 6,9. Изд. № 8/

Цена 4 р. 15 к. (по прейскуранту 1952 г.). Зак. № 3/1504.

3-я типография Углетехиздата Министерства угольной промышленности ССС

Ленинград, ул. Салтыкова-Щедрина, 54.

Цена 4 р. 15 к.